

Писатели обсуждают решения
XX съезда КПСС

БАКУ. (Наш корр.). Здесь состоялось партийное собрание писателей Азербайджана, на котором с докладом об итогах XX съезда КПСС выступил Сулейман Рагимов. Писатели горячо одобрили решения съезда и наметили меры усиления творческой деятельности писательской организации.

Почти все выступавшие в прениях отмечали серьезное отношение азербайджанской литературной критики. На страницах республиканских газет и журналов давно не было интересных критических статей по проблемным вопросам литературы. Участники собрания подчеркивали, что глубокое изучение жизни на основе творческого овладения марксизмом-ленинизмом — залог успеха каждого писателя. Для сбора материалов не обязательно ехать в командировку за тридевять земель. Где бы ни находился писатель, — если он живет жизнью народа, его интересами и чаяниями, активно участвует в борьбе за новое, передовое, — повсюду он найдет героев и темы для своих произведений.

КАЗАНЬ. (Наш корр.). На партийном собрании писателей Татарии обсуждали итоги XX съезда партии и задачи писательской организации. С докладом выступил делегат съезда Гумер Баширов.

Единодушно одобрили исторические решения XX съезда КПСС, собрание в своем постановлении отменило необходимость активизации творческой деятельности писателей республики.

НА ТЕМЫ
ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКИ Новые фабрики книг

★ Резко увеличивается выпуск книг. ★ Новые полиграфические комбинаты в Калинин, Ярославле, Минске, Саратове, Челябинске. ★ Программа Челябинского комбината — 120 миллионов экземпляров книг в год.

Из года в год растет в нас издание книг и журналов. В прошлом году общий тираж вышедших книг превысил миллиард экземпляров. Полиграфические предприятия Министерства культуры СССР увеличили за последние пять лет выпуск книжно-журнальной продукции более чем в два раза, а разнообразие и красочность — в три с лишним раза.

В шестой пятилетке будет резко увеличен выпуск всех видов печатной продукции, улучшено художественное оформление и полиграфическое исполнение книг. В соответствии с Директивами XX съезда партии мощности полиграфических предприятий Министерства культуры СССР к концу 1960 года должны возрасти примерно на половину.

Что предпринимается для выполнения этой программы? — В течение шестой пятилетки войдет в строй ряд больших фабрик книг, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» заместитель начальника Главполиграфпрома Д. Тюрков. — Уже в этом году заработает на полную мощность полиграфический комбинат в Калинин — крупнейшее в нашей стране предприятие многокрасочной (глубокой и офсетной) печати. В конце прошлого года он выдал свою первую продукцию: богато иллюстрированные книжки для малышей, буквари, детские книги для чтения с цветными обложками и вклейками, журналы мод, путеводители, красочные плакаты, открытки. Сейчас монтируется оборудование цеха глубокой печати. Полностью освоит проектную мощность комбинат в Ярославле. Кроме книг, до ста миллионов плакатов, портретов и художественных репродукций, выполненных в шести красках.

По соседству с комбинатом скоро начнется строительство завода, который даст в два раза больше красок, чем все существующие ныне заводы.

Начал работать и полиграфический комбинат в Ярославле — пока вступил в строй его главный корпус. Полная мощность комбината — 18 миллионов экземпляров иллюстрированных книг и большое количество многокрасочных плакатов и репродукций. В нынешнем году дадут первую продукцию еще два строящихся полиграфических комбината — в Минске и Саратове. Первый из них в основном готов, в его цехах идет монтаж оборудования. Он рассчитан на выпуск в течение года до 30 миллионов учебников и различных брошюр и около 100 миллионов плакатов и репродукций. Скоро вступит в строй и первая очередь Саратовского комбината, который заработает на полную мощность в 1958 году. Он будет выпускать 50 миллионов экземпляров. В том же 1958 году начнет давать продукцию Киевская фабрика красочной печати, рассчитанная на ежегодный выпуск свыше 250 миллионов плакатов и художественных иллюстраций.

Все эти большие комбинаты и фабрики, оборудованные новейшей техникой, уступят, однако, по своим мощностям Челябинскому полиграфическому гиганту; он будет одним из крупнейших предприятий по производству книг не только у нас, но и во всей Европе. Его годовая программа — 120 миллионов экземпляров книг в переплете и 21 миллион брошюр! Это будет учебная, художественная, политическая, сельскохозяйственная и научно-техническая литература. Первая очередь комбината — три больших производственных корпуса — начнет выпуск книг в конце текущей пятилетки. И, наконец, в начале седьмой пятилетки войдет в строй еще один полиграфический комбинат по выпуску художественной литературы — в Красноярске.

В то же время продолжается расширение существующих книжных фабрик и типографий. В нынешнем году закончится полная реконструкция Ленинградской фабрики офсетной печати, которая будет давать почти в два с половиной раза больше продукции, чем раньше. 21-я типография имени Ив. Федорова — тоже ленинградская — введет в строй три корпуса для машин глубокой и высокой печати, что даст ей возможность выпускать в пять раз больше изданий, чем до реконструкции.

Телевизионная мачта на вершине Машука

ПЯТИГОРСК. (Наш корр.). В ближайшие годы жители и курортники кавказских Минеральных Вод смогут смотреть телевизионные передачи. Они будут вестись телевизионной станцией, строящейся в Пятигорске.

Используя горный рельеф местности, главный инженер проекта этой станции А. Мирошников спланировал установку 180-метровой мачты на вершине Машука. Таким образом, передача будет идти с высоты 1173 метров над уровнем моря.

Какое это будет иметь практическое значение? Обычная мачта высотой в 180 метров дает возможность передавать телевизионные сигналы в радиусе 150 километров. При такой мачте передачи Пятигорского телецентра могут быть просмотрены и жители Ессентуков, Железноводска, Минеральных Вод, Георгиевска, Буздяковска и Новониколаевска. Ставрополь и окружающие их сел. С высоты же 1173 метров дальность передачи возрастает.

По некоторым расчетам, передачи могут быть приняты в Орджоникидзе, по всему Ставрополью, в некоторых городах и селах Краснодарского края и Ростовской области.

Телевизионная мачта на Машуке открывает большие перспективы не только для увеличения дальности телевизионных передач, но и для расширения радиуса распространения ультракоротких радиоволн, для строительства радиорелейных линий. Такую беспроволочную радиорелейную линию можно «перекинуть» с Машука на одну из вершин Кавказского хребта, а затем в Закавказье.

Пятигорский телецентр будет состоять из двух больших зданий: аппаратно-студийного корпуса, который разместится в городе Пятигорске, и ультракоротковолновой радиостанции — на Машуке.

В этой заметке среди городов, которые будут принимать телевизионные передачи, не указан Кисловодск, находящийся примерно в четырех десятках километров от Пятигорска. И это не случайно. Кисловодск расположен в глубокой котловине и закрыт горной грядой. Поэтому для него передачи Пятигорского телецентра будут осуществляться по маломощной радиорелейной линии, соединяющей передающий центр на Машуке с подстанцией в окрестностях Кисловодска.

Строительство Пятигорского телевизионного центра начнется во втором квартале этого года.

По мясу мы свои обязательства выполняем, — говорили колхозники. — И поощения у нас хорошие и корма есть. Вот с молоком хуже...

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 43 (3544)

Вторник, 10 апреля 1956 г.

Цена 40 коп.

Весна колхозная

1. Весенняя распутица, пожалуй, самое трудное время для таких людей, как Межов, вся жизнь которых в ежедневных разездах. По размытым дорогам с трудом можно проехать лишь на «гайке». Но машина в МТС только одна, и ее безраздельно завладел директор А. он, Межов, и инструкторы по зоне вынуждены пользоваться «персональными», как они в шутку говорят, средствами передвижения.

Но Межова это не очень беспокоит. Еще в давних времена, когда он работал в комсомоле (и тогда, к слову сказать, я впервые познакомился с ним), расстояния не пугают его. Встанет он пораньше, позавтракает, наденет кожаную, затянется потуже ремешком, и на все четыре стороны... Впрочем, для Межова это не фигуральное выражение: в его зоне — четыре колхоза. Все они — близ МТС, под рукой; лишь один, имени Калинин, — за двадцать километров.

Вчера при подведении итогов работы доклад за декаду выяснилось, что снова снизились надои молока на фермах колхоза имени Ленина, и мы решили отправиться туда. К тому же вечером там должно было состояться общее собрание колхозников.

Вышли с солнцем, чтобы успеть добраться по морозцу. В пути Межов рассказывал о людях. И снова, как и раньше, я с удивлением слушал его. Межов не многословен. Два-три стриха — и человек, как живой, встает перед глазами. Восхищаясь его умением изображать, я спросил как-то Межова о том, не ведет ли он запись своих наблюдений над жизнью.

— Какое там! — отмахнулся Василий Иванович. — Цифры изредка записываю на память: жизнь заставила. А на больше времени нет... — И он достал из бокового кармана кожаную папку, изрядно потрепанную тетрадь, — не тетрадь, а сущий клад! Над изучением ее я провел два вечера и очень сожалею, что не было времени переписать ее всю в свою записную книжку. Здесь были не только таблицы с данными земельных угодий колхозов зоны, валового сбора зерна, надои молока, выхода мяса и т. д., но и полный анализ этих данных по годам, анализ затраты трудней на единицу выхода продукции, и многое, многое другое. Раньше подобного рода «кладовые хозяйской мысли» мне доводилось встречать только у выдающихся колхозных вожаков, таких, как Федор Степанович Генералов или Макара Анисимович Посытнин. Появление таких книжек-«кладовых» у низовых партийных работников — теперь явление нередкое и вместе с тем радостное: они учатся считать.

2. На окраине села — свиноферма. Новое, крытое железом помещение привлекает опрятность. Межов, хоть он и спешил на молочно-товарную ферму, не удержался, и мы зашли на СТФ.

Свинокорм давали корм. Из кормопита по подвесной дорожке сновали вагонетки, распространяя вокруг сладковато-приторный запах свежежаренного картофеля. Пожилая женщина в ватнике, вытирая руки о чистый фартук, подошла к Межову, поздоровалась. Мы познакомились. Это была старейшая свинокорм фермы — Татьяна Ефимовна Зайчикова. Семнадцать лет подряд трудится она здесь.

— Хотите посмотреть «Ласточкин» приплод? — обратилась Татьяна Ефимовна к Межову. — Десятьдесят поросят принесла!

Мы пошли за свинокорм. Перехода от станка к станку, мы осматривали всех свиноматок, закрепленных за Зайчиковой. Все свиньи были в теле, содержались в чистоте.

— Я обещала за год вырастить сто поросят, — рассказывала Татьяна Ефимовна. — Но думаю перевыполнить свои обязательства...

Покончив с делами, свинокорм окружили Межова. Между ними и зональным секретарем завязался разговор, который уже неоднократно доводилось мне слышать на других фермах, в кулуарах областного совещания председателей колхозов, на районном собрании передовиков сельского хозяйства. Это разговор об обязательствах, взятых на себя воронежцами; о том, кто же вызвал на соревнования и какие дела на фермах у соседей... В разговорах приводилось много цифр, показывающих реальность взятых обязательств; но была и большая тревога... Шутка ли! В прошлом году колхоз получил всего лишь по одиннадцати центнерам свиноматок на сто гектаров угодий. А в 1956 году, согласно обязательствам, должен произвести по тридцать два центнера — почти в три раза больше! Одна СТФ принесет колхозу около миллиона рублей дохода.

— По мясу мы свои обязательства выполняем, — говорили колхозники. — И поощения у нас хорошие и корма есть. Вот с молоком хуже...

Эта тревога колхозников стала особенно понятна, как только мы зашли на молочно-товарную ферму. Там мы стали свидетелями «крутного разговора». Председатель колхоза Иван Лаврентьевич Анохин — в распахнутой рубашке, красный от волнения — стоял в окружении доярки и пытался что-то говорить. Однако женщины перебивали его резкими выкриками:

— С чего ему быть — надо-то! Одной оловом кормим!

— У других силоса вдоволь. А у нас не молоко, а слезы!

Воронежцы выступили инициаторами социалистического соревнования за досрочное выполнение заданий шестой пятилетки по животноводству. Они обязались удвоить производство мяса за год, а молока — за полтора года. Как отмечается в Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР по всем работникам сельского хозяйства, есть все основания предполагать, что воронежцы с честью сдержат свое слово. За пять месяцев хозяйственного года производство молока в колхозах Воронежской области увеличилось более чем в два раза; на откорм поставлено свиней в три с лишним раза больше, чем в прошлом году.

И вместе с тем труженики сельского хозяйства области, будь то рядовой колхозник, председатель артели, партийный работник, — проявляют большое беспокойство за взятые обязательства. Сегодня в очереди С. Крутилин рассказывает о новом подьеме в колхозной деревне, о поисках воронежцами резервов для выполнения взятых обязательств.

— Понаставили заводующих, фуражиров, бригадиров... А что толку от них? Анохин слушал, едва успевая переводить взгляд с одной доярки на другую; терпеливо перешагивая, неделю небритый подбородок. Председатель был зол и расстроен. Как-то несладко все получается у него в последнее время. Еще недавно на совещаниях колхоз ставили в пример. За шесть лет он успел привыкнуть к этому. Тянул хозяйство в более трудные годы. А сейчас, когда, казалось, самое время развернуться, распрямить плечи, показать свое умение, — сплхоловал, начал спотыкаться. Соседи обгонять стали. Перед всем районом их хвалят, его ругают. Взять хотя бы последнее районное совещание передовиков. Ехал он туда со своими людьми, как на праздник. А что вышло? Докладчик — председатель райисполкома сказал:

— Взять, к примеру, нашего уважаемого товарища Анохина. В прошлом году он обещал получить по 26 центнерам мяса и по 72 центнера молока на сто гектаров угодий. И что же? Ни одно из этих обязательств товарищ Анохин не выполнил. Хотя все условия были...

Иван Лаврентьевич с трудом досидел до конца доклада. После перерыва, как только начался прения, попросил слова.

— Мы — болтуны, да... согласны! — горячо, с обидой в голосе говорил он. — Мы не выполнили своих обязательств — плохо, конечно. Краснее за это! Ну, а район? Ведь и район в целом не выполнил своих обязательств! А вы докладываете — и ни одного слова о стиле руководства! Говорили о снижении надои молока... Правильно, падает у нас надои. А почему? Да я уж десять дней на фермах не был: что ни день — то новое собрание! То в области, то в районе, то в МТС...

Там, на совещаниях, перед четырьмястами передовиками района оно хотело в заплатах бы во что бы то ни стало оправдаться. А тут, в разговоре с доярками, вино было не на кого свалить. «Что-то не доглядел я, особенно с кормами...» — думал он.

— Хорошо! — успокоил Анохин доярка. — С кормами уложим дело. Сегодня же машины ушли за жмыхом в Яскино... Муки дадим больше... Но на будущее помните: за корма и вы должны боlets! Вечером будем производить свиноматок утверждать, — приходите. Планируйте корма сами...

— И придем! А то как же! — отозвалась за всех молодая доярка, подступая к Анохину. — Теперь мы свои права знаем!

3. Весна — будто она сама себя боится — наступает неохотно. В полдень, на солнцепеке, парит оттаявшая земля и вдовь села до самой Хворостани бегут ручьи. А вечером, едва скроется солнце, ложится на землю густой туман, серебра инеем яблони и кусты забрызганной лесной полосы...

У правления — сдержанный говор мужских голосов, девичий смех. — Эге! Как дружно собираются... весело замечает Анохин.

До начала собрания еще целых полчаса, а в «бухгалтерской» народа полным-полно. Заставлен скамьями и председателя кабинет, чтобы всем хватало места.

— Бывало, чтобы общее собрание организовать, целую неделю только этим и занимались: уговаривали, убеждали... — рассказывал Иван Лаврентьевич. — А ныне, как только дали колхозникам права самим планировать, устав изменять, — другая совсем картина...

В дружном сборе, в разговорах, во всеобщем оживлении чувствуется небывалый подъем. Но особенно этот подъем выявился на собрании. Описывать это собрание во всех подробностях нет нужды. Хочется поделиться только общим впечатлением: собрался настоящие хозяева артели — расчетливые, знающие толк в своем деле.

Начали с приема в члены колхоза. На село возвращаются люди, уехавшие в свое время в города, на дальние стройки, в отходничество. В колхозы вступают также и специалисты, интеллигенция. Так, первым разбиралось заявление Михаила Коровкина. До последнего времени Коровкин работал инструктором райкома партии по зоне МТС.

— Я пришел к выводу, что могу больше принести пользы, работая в колхозе, — говорил Коровкин, говорил не спеша, обдумывая каждое слово.

Коровкина приняли в колхоз единогласно, я бы даже сказал, с подъемом: пришел грамотный, очень нужный в хозяйстве человек, которого все хорошо знали. Не то — с другими. Надо было видеть, с какой строгостью принимают сейчас в артели, чтобы понять, насколько возрос автори-

тет окрепшего колхоза. К каждому «возвращенцу» подходили со всей строгостью: выпытывали, почему ушел в свое время из села, какая семья, будет ли работать в колхозе жена и т. д. Не придирались только к Николаю Шинину — демобилизованному солдату, женившемуся на колхознице-доярке. За два месяца работы в колхозе Шинин имеет уже около ста трудов дней...

Покончив с приемом, перешли к утверждению производственного плана и приходо-расходной сметы на 1956 год. Докладывал Анохин. В светлом костюме, причешенный и побритый, председатель выглядел помолодевшим, праздничным. И голос у него был совсем иной, чем там, на ферме. Он говорил спокойно, с достоинством.

— Мы планируем получить за год доход три с половиной миллиона рублей, — докладывал председатель. — Думаем построить свинарник, гараж, птичник, баню, клуб. Выдадим на трудоземь по четыре с половиной рубля деньгами, хлеба — не менее, чем в прошлом году, картофея — по килограмму...

Колхозники слушали, не перебивая. Но как только председатель доложил о плане распределения земли под посевы нынешнего года, все оживилось, заволокалились:

— Почему яровой пшеницы так много? — А как насчет зеленого конвейера? — Кукурузы малоовато, Иван Лаврентьевич!

После доклада бригадир Петр Пуляхин горячо заговорил о кукурузе.

В прошлом году сеяли триста гектаров, сейчас планируем пятьсот. И это при пяти с половиной тысячах гектаров пахотной земли! Мало! Соседи по семеноводству тонно силоса на каждую корову закладывают, — а мы? Оттого и сползли на последнее место по надою! — говорил Пуляхин. — Предлагаю сократить посев менее урожайной яровой пшеницы. Кукуруза — вот наша надежда! Это еще и потому, что насчет озимых у меня большое есть беспокойство...

Вспокойнее... Это чувствовалось почти в каждом выступлении. А ораторов было много. В словах колхозников было желание поделиться своими мыслями о лучшем использовании земли. Сменяя друг друга, выступили Иван Зотов, Николай Шукин, Иван Прохоров... Они критиковали МТС. Она плохо помогает в возделывании кукурузы, картофеля и овощей. Посеют, и с плед долой! Культивацию во-время не проводят, приходится все делать вручную.

На свиноферме начались опоросы, — говорил Митрофан Черепин. — Мы ожидаем 2 800 поросят. Уже сейчас нам надо подумать о содержании скота летом. Потребуется пятьдесят четыре тысячи центнеров зеленой массы. Мы планируем посевы суданки, овса, озимой ржи, кукурузы на корм, но этого мало. Надо работать с карандашом в руках...

Юрий Сагайдачный, заведующий молочно-товарной фермой, вино, в ораторском «поднаборе», как сказал старик-колхозник.

— Всем не секрет, что наша МТФ отстает! — начал он. — В прошлом году не надоили и по полторы тысячи литров. Взвали обязательства надоить две, но план не выполняем. Всем не секрет — почему? С кормами плохо.

Пол одобрительный шум доярка Сагайдачный потребовал расширения посевов кукурузы. Он предложил также использовать пар под зеленый конвейер.

— МТС плохо работает, — говорил, закатывая выслушание, Сагайдачный. — Но и мы, колхозники, не на высоте. На каждом собрании мы высказываемся за удорожание. А фермы завалены навозом — ни пройти, ни проехать! Из трех тысяч тонн по плану не вывели и двухсот. А потом будем искать виновных в плохом урожае!

Евдокия Пуляхина потребовала, чтобы правление оборудовало детские ясли.

— У нас хороший дом рядом с сельсоветом пустует. А около пятидесяти женщин не ходит на работу — детишек оставить не на кого...

Производственный план артели обсуждали долго, вдумчиво. Бригадир, отдельные свиноводы и доярки брали на себя новые обязательства и вызвали других на социалистическое соревнование.

Когда все обговорили, — приступили к госоветанию. Производственный план и приходо-расходную смету с поправками утвердили единогласно.

Был уже поздний час, но колхозники не расходились.

— А как с уставом? Есть какие-нибудь указания? — Указание одно: самим вносить изменения! — отозвался Анохин. — Соберемся сначала активно, обсудим. А потом уже вынесем на народ...

...На улице — темнеет. Шумят паводковые воды в Хворостани. Нет весна, — первая весна новой пятилетки.

Мы стояли на крыльце правления. Мы проходили колхозники, оживленно разговаривали, шутили. Шли хозяйева, шли уверенно, неторопливо. Они знали, что задуманное будет выполнено!

С. КРУТИЛИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

«Приезд советских руководителей принесет только пользу»

Недавно в палате общин один депутат, явно руководствуясь намерением настроить палату против приезда в Англию Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева, поднял вопрос о том, во сколько обойдется их поездка по Англии. Премьер-министр сэр Антони Иден тут же заявил, что стоимость поездки советских руководителей «гораздо менее миллионной части стоимости одной водородной бомбы». Этот справедливым ответ вызвал бурное одобрение почти всех членов палаты. Ободренный этой реакцией, сэр Антони Иден продолжал: «Я хочу, чтобы члены палаты общин и вся страна осознали тот факт, что это важная встреча, организованная в целях политических переговоров, на которых будут «обсуждены многие проблемы, вызывающие сегодня в мире разногласия».

Г. М. Маленков во время своих многочисленных встреч с англичанами имел возможность убедиться, что трудовые люди Англии всем сердцем желают укрепления дружественных отношений между Англией и Советским Союзом. Уже сейчас ясно, что Н. А. Булганину и Н. С. Хрущеву будет оказан теплый прием. Мне хотелось бы рассказать, что думают об этом рядовые люди Англии.

Возьмем, к примеру, Артура Уэллара, рабочего автомобильного завода, секретаря совета профсоюзов Гринвича. Он с гордостью рассказывает, что еще в августе 1955 года делегация совета профсоюзов Гринвича, будучи в СССР, пригласила Хрущева и Булганина посетить Гринвич. «Мы уверены», — говорит Уэллар, — что укрепление дружественных отношений с Советским Союзом и с другими восточными странами поможет сохранить всеобщий мир, устранив недоразумения и недоверие, создать благоприятные возможности для взаимовыгодной торговли. Так же как и многие другие профсоюзные деятели, с которыми мне довелось познакомиться, Уэллар особенно подчеркивал взаимную выгоду такой торговли.

А вот что сказал мне Ф. Дж. Боринджер, мэр г. Тотнема (Северный Лондон), который надеется, что советские руководители хотя бы несколько часов будут гостями местного муниципалитета:

«Мы направили через Советское посольство и через ферму-министра приглашение, в котором подчеркиваем свою готовность устроить советским руководителям гражданский прием. Если они и нам придут, мы уж хорошеюно о них позаботимся. Но мы хотим, чтобы это был не только радужный прием, но и деловая встреча. В нашем городе сосредоточено много промышленных предприятий. Мы производим некоторые виды машинного оборудования, мебель и даже наркандии. Перспективы развития торговли между Востоком и Западом очень занимают нас. Если наше приглашение будет принято, мы союзом до приезда советских руководителей совещание промышленников нашего района и обсудим вопрос о том, что мы можем предложить Советскому Союзу».

Встретиться с советскими руководителями хотят не только профсоюзные деятели, представители муниципальных властей и общественных организаций. Бывший военный летчик Ч. Хоу из Биллингхерста (графство Суссекс) написал в газете «Дейли экспресс»: «Как кавалер ордена Ленина, который я получил в России в 1941 году, я от всей души прошу советских руководителей посетить старинную таверну «Блэксмит Армс», владельцем которой я являюсь».

Нужно сказать, что английский таверна — это своего рода клуб, в котором рядовой англичанин проводит часы досуга. Имея это в виду, читатель правильно поймет, может быть, несколько наивное, но, безусловно, искреннее и трогательное приглашение от владельцев таверны «Ройал Он» из Лафтона (графство Эссекс). Он пишет, что Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев «могут быть уверены, что мои клиенты окажут им самый радужный, истинно английский прием».

В заключение я хочу привести несколько высказываний людей самых различных профессий и взглядов.

Джефф Милдурот, секретарь окружного комитета объединенного профсоюза рабочих строительной промышленности Северо-Западного Лондона, заявляет: «Мы, рабочие-строители, жизненно заинтересованы в сохранении мира, потому что водитель может принести только пользу».

Послушаем свиноводку Л. Дж. Блесс, вынашивая англичанской церкви в Бермондси — одном из рабочих районов Южного Лондона. «Я жду приезда выдающихся представителей Советского Союза», — сказала Блесс, — и верю, что он в огромной степени будет способствовать укреплению мира и дружбы между народами Англии и Советского Союза».

Под конец представим слово домохозяйке из Сент-Панкраса (Лондон), жене железнодорожника Бридлет Нильсонсон: «Я мать троих детей — одному 12, другому 9 и третьему 5 лет, — говорит она. — Я считаю, что нужно приветствовать всякий шаг, который укрепит дружбу и взаимопонимание между различными странами и делает менее вероятным применение водородной бомбы. Я надеюсь, что у советских руководителей во время их пребывания в Англии будет много возможностей познакомиться с рядовыми людьми и что они не будут ограничиваться общением только официальными встречами». Бридлет Нильсонсон добавляет с улыбкой: «Я уверена, что все английский народ окажет им самый теплый прием». И она права.

Советские руководители почувствуют симпатии английского народа, хотя некоторые силы в Англии не хотят допустить широкого общения Булганина и Хрущева с простыми людьми Великобритании. Известно о том, что английская сторона свела программу пребывания Булганина и Хрущева к одному лишь беседам с официальными лицами, огорчило рядовых англичан.

Ф. БОЛСОВЕР, английский журналист, ЛОНДОН, 9 апреля. (По телефону)

Выдающийся венгерский поэт

11 апреля исполняется пятьдесят один год со дня рождения крупнейшего пролетарского поэта Венгрии Атилы Йожефа.

Вопросу популяризации произведений венгерского поэта в Советском Союзе был посвящен литературный вечер, устроенный на днях послом Венгерской Народной Республики Ф. Мюнхником. Присутствующие на вечере с большим интересом прослушали доклад известного литературоведа, члена-корреспондента Венгерской академии наук И. Вальдафеля о творчестве Атилы Йожефа — пламенного поэта-борца, коммуниста-подпольщика, патриота, с произведениями которого еще мало знакомы советские читатели и литературная общественность.

«Освобожденный венгерский народ», — сказал И. Вальдафель, — торжественно отметил в прошлом году 50-летие со дня рождения величайшего национального поэта, являющегося, несомненно, самым большим певцом венгерского пролетариата. За те несколько лет, когда, борясь с нищетой, голодом, преследованиями и болью, Йожеф мог работать, им был создан ряд бессмертных творений, обеспечивших ему после Петефи и нарду с Адиди одно из первых мест в венгерской поэзии.

И. Вальдафель выразил в заключение надежду, что советские поэты и переводчики широко познакомят читателей с произведениями Атилы Йожефа.

После доклада венгерского ученого состоялся оживленный обмен мнениями о творческом методе А. Йожефа, об образном строе его стихов. Отвечая на многочисленные вопросы венгерский ученый рассказал об издании стихов Йожефа в других странах.

Доклад И. Вальдафеля помог советским литераторам ближе познакомиться с жизненным и творческим путем крупнейшего венгерского поэта.

Письмо автора «Овода» Э. Войнич
После возвращения делегации советских журналистов из Соединенных Штатов Америки, где они встретились с автором известного романа «Овод» Этель Лилиан Войнич, союз писателей СССР отправил ей библиотеку, состоящую из изданий этого романа на разных языках народов СССР. Были посланы также фильм «Овод» и портретная киноаппаратура. На днях Б. Полевой получил письмо от Э. Войнич, в котором она благодарит за посланную библиотеку. В своем письме Э. Войнич пишет: «Я получила четырнадцать экземпляров «Овода» на рус-

ском и других языках и знакомилась с ними с большим удовольствием. Едва ли нужно говорить, с каким любопытством я рассматривала переводы моих книг на те языки, о которых ничего не знала. Фильм «Овод» прибыл на прошлой неделе. Киноаппарат для его демонстрации будет установлен в моей квартире. Мне было очень приятно также получить данные об издании переводов моих книг в СССР и о тиражах, которыми они выходят. Прощу вас продолжать писать мне по-русски. Я читаю почти без труда...»

ЭТО ВОЛНУЕТ ВСЕХ НАС

Борис ИЗЮМСКИЙ

ТОБАРЬ видит плоды своего труда — сравнительно скоро, а вот воспитателю нередко приходится ждать десятков лет, чтобы установить: как он работал, каковы результаты его труда? Происходит это потому, что перемены в характере ребенка полны неожиданностей. Огорчительные слезы, кратковременные радостные подъемы сменяют друг друга, прежде чем приходит та устойчивость, которая приносит уверенность в прочности возводимого тобой фундамента.

А какие неожиданные открытия делаются, встречаясь со своими воспитанниками много лет спустя!

Тихона превращается порой в сильного человека, а рубаха-парень, главный развлекатель класса, — в пошляка и забуду. И ты начинаешь винить себя, прежде всего себя, за то, что из этого рубахи-парня вырос человек с красноречивыми отечками под глазами, в вечной дымке хмея: ведь вот проглядел тогда, давно червоточинку, что развилась гниль, не дал нужную закалку характеру и порою безделью.

Но зато сколько радости приносит встречи с учениками, ставшими настоящими, скромными, честными людьми! И тогда приходит к тебе главная награда за бессонницы, за трепку нервов, за щедро утраченный кусок жизни, и ничего иного! Кроме этой награды, ни на что.

В ОТЧЕТНОМ ДОКЛАДЕ Центрального Комитета XX съезду партии Никита Сергеевич Хрущев говорил о необходимости создать у нас школы-интернаты, где часть детей, по тем или иным обстоятельствам лишенная возможности воспитываться в семье, найдет все необходимое для получения знаний, роста физических и духовных качеств.

Разулся тому, что такие интернаты будут созданы, мы, конечно, радуемся и на. Тем, как лучше их организовать?

Когда почти тринадцать лет назад начали создавать суворовские училища, многие представляли нам довольно расплывчатые. Что можно заимствовать для этих училищ у кадетских корпусов и заимствовать ли вообще? Как строить жизнь этого нового учебного заведения? Как сочетать командирскую требовательность к детям с отповской заботливостью?

Правда, с самого начала было ясно, что наши суворовские училища не нуждаются в какой-то особой педагогике и найдут все необходимое для своего роста и развития в том опыте воспитания детей, который уже накоплен в советских школах и других учебных заведениях и интернатах.

В старой России господствующим классом, заботясь о воспитании, соответствующим их целям, создавали аристократические учебные заведения, пажеские и кадетские корпуса, институты благородных девиц, пансионы... Высокими стенами казенности и привилегий эти закрытые учебные заведения стремились отгородить питомцев от жизни, вырастить их в своем ладу.

Перед нами же стояли иные задачи. Многолетний опыт работы педагогом-воспитателем в суворовском училище дает мне право утверждать, что дружный педагогический коллектив такого закрытого учебного заведения способен добиться в воспитании детей буквально чудесных результатов, если работает вдумчиво, творчески опирается на опыт Макаренко.

Вот появляется в училище «новобранец» — мальчик, трепещущий, жално впитывающий в себя повзвонку. Его ведет к Доске почета, в «Суворовском кабинете» знаком с историей училища, рассказывает о борьбе за честь училища. А потом бюро комсомола организует шефство старших над младшими. В торжественной обстановке офицер объявляет: «Отныне, друзья Семенов, твоим старшим братом и другом будет лучший стрелок 1-й роты вице-сержант такой-то...» И этот вице-сержант становится рядом с полупочленным, словно брел его под свою защиту. Вы поглядите бы, как «прилипают» малыши к своим опекунам!

А те входят в роль старших братьев. Собственно, это уже для них не роль, а действительное ощущение и ответственности и заинтересованности. Оно не исчезает даже тогда, когда старшие заканчивают училище.

Надо ли после этого удивляться, что многие офицеры — бывшие суворовцы и по сей день носят с собой на донышках чемоданы заветные альбы погоны, которые напоминают им о «суворовских днях»?

ПЕРЕДОВЫЕ наши общеобразовательные школы тоже стремятся выработать свои добрые традиции. Мы видели, как в одной воронежской школе десятиклассники преподнесли первого сентября мальшику нового набора огромные яблоки со словами: «Это выращено в нашем школьном саду. Береги его, ухаживай за ним, и когда ты будешь оканчивать школу, ты сам перелаяшь яблоко первокласснику».

Видели, как хранят хорошие традиции в 321-й ленинградской школе, где директор ес Макарий Георгиевич Баранов, прекрасный знающий цену этим традициям, заботливо оберегает их, и ученики помнят о том, что в блокаду во время Отечественной войны школа не переставала работать, и о том, что она вырастила героев, замечательных труженников, талантливых людей. Помнит это, гордится этим!

Там, где есть традиции, рождается крепкая, верная любовь к школе, к учителям, идет сложный и драгоценный процесс коммунистического воспитания.

К великому сожалению, у нас еще немало школ, не умеющих создавать свои традиции. Ни о каком стиле, тоне детского коллектива, ни о какой его красоте в таких школах даже не имеют представления.

Я не разрешаю бы себе повторять прошлые истины о важности традиций, но хочется напомнить товарищам по педагогическому оружию, которым предстоит работать в школах-интернатах, о том, что это дело не простое, оно требует особого места и при разумном использовании уже накопленного опыта сумеет быстро добиться желанных успехов.

ПОЖАЛУЙ, ни в одной области науки, техники, культуры нет такого бездумного расточительства этого драгоценного опыта, как в педагогике. Мы частенько обрекаем молодых воспитателей на ошибки, которых они могли бы избежать, заставляя их открывать уже открытое, неразумно растрачивая силы на поиски ранее найденного. Для такой огромной страны, как наша, с такими грандиозными задачами, как у нас, удивительно мало книг, написанных мастерами воспитания.

Ведь казалось бы, кому как не им, долготелым трудом своим проложившим путь и гати в советской педагогике, позаботиться о том, чтобы не уносить этот опыт с собой, передать эстафету молодежи? И если широко использовать ценнейший опыт, который накопили наши педагоги, драгоценное наследство, которое оставил нам Макаренко, — то и в новом для нас деле (а я здесь говорю о школах-интернатах нового типа) мы пойдем вперед уверенней, чем, скажем, тридцать лет назад.

Конечно, многое и сейчас потребует усердия, поисков. Как в школах-интернатах прививать детям практические навыки? Как лучше организовать их «рабочий день», детское самоуправление, самообслуживание? Ведь иные интернаты, с работой которых нам довелось познакомиться, в противовес бытлому «приютству», с его бездельем и принижением, порой еще воспитывают молодежь, как это ни нелепо, в духе «золотого детства», выпускают людей, не приспособленных к жизни, не самостоятельных, привыкших к опеке. Как такое избежать?

Немало этих «как» возникает в новом деле.

И тут цитатами из Макаренко не отделаешься! Хотя, к сожалению, в последнее время развелось изрядное количество любителей спокойной жизни, которые ссылками на Макаренко пытаются, по существу, умертвить его, всегда для нас живого и бесконечного, не терпящего шаблонов, не терпящего этих самых цитат.

Каждое учение сильно учениками. Но не количеством любителей цитировать учителя, а практичностью, творческими продолжателями его дела.

И перед теми, кто будет сейчас создавать школы-интернаты, открываются для этого широчайшие возможности.

БЫЛО бы нелепым предполагать, что новые школы-интернаты переймут у суворовцев то, что присуще только военному училищу, как было бы неверным и закрывать глаза на ряд недостатков суворовских училищ. Здесь возникает подчас — из-за отсутствия женского, материнского влияния — огульность натуры, равнодушие к природе, искусству, крутовая порука, порой воспитанники олезавет тоскливо ощущение однообразия жизненного уклада, если не вальего интересные формы отдыха. Но не все этого можно избежать в школах-интернатах.

А зато как полезно им перенять у суворовских училищ организованность детского коллектива, его самостоятельность в решении многих вопросов, умение выполнять «долг службы», подчиняться и приказывать, развитое чувство ответственности и общее стремление воспитателей больше верить, поменьше опекать.

Создавая суворовские училища, мы искали, подчас ошибались и снова упорно искали. В первые годы их существования среди некоторой части воспитателей распространялся взгляд, что, мол, будущим офицерам не к чему учиться мыть полы, их к ратному труду надо готовить. Однако жизнь опрокинула такую «установку», и у суворовцев самое широкое распространение получили самообслуживание и труд в мастерских, в саду, в гараже.

Познали «суворовские аллеи» в парках, виноградниках, садах, в физических и химических кабинетах появилось новое оборудование, сделанное руками детей.

Конечно, полезный труд станет неотделимой частью жизни и школ-интернатов. Думается, что на характер этого труда повлияет даже такое обстоятельство, как месторасположение интерната. Близость рабочего района откроет одни возможности, соседство колхоза — другие. Но во всех случаях там должны воспитываться не белоручки, а образованные люди с трудовыми, умными руками.

Новые интернаты можно назвать «закрытыми» только весьма условно. В действительности они будут связаны с большой жизнью страны крепко и многообразно. Педагоги смогут пригласить в гости к воспитанникам передовиков производства, студентов, ученых, путешественников, организовать экскурсии на заводы и в колхозы и, наконец, привлечь детей к общественно полезному труду на предприятиях, в мастерских, на полях и фермах.

Вместо былой кадетской, «институтской» отгороженности от жизни сыны трудового народа воспитываются в духе преданности и любви к нему, в теснейшей связи с ним. И это ощущение близости к народу, его целям коренным образом отличает наши интернаты от любых других интернатов.

ВАРИЯТ сталь, выращивают зерно, делают машины люди. От того, какими воспитаем мы их, зависит наше будущее.

Успехи всего народа превратили Советскую страну в могучую индустриальную державу, принесли победу над врагом во время Великой Отечественной войны. Коммунистическое воспитание подрастает поколения — общенародное дело, и каждый из нас должен внести в него свой посильный вклад. Часть этого дела — школы-интернаты, у них большое будущее.

РОСТОВ-НА-ДОНУ

РЕИС ДРУЖБЫ

У причалов Вентспилского порта стоит возвысившаяся на Родину учебное судно «Экватор». Все на борту «Экватора» напоминает о только что законченном плаваньи. Два месяца назад судно вышло из Одессы, чтобы проделать путь из Черного в Балтийское море. И вот позали пять тысяч миль... Много впечатлений накопилось у молодых моряков — курсантов мореходных училищ, повсюду можно видеть подарки зарубежных друзей.

В английском порту Саутгемптон, куда «Экватор» прибыл с дружеским визитом, советских моряков встретили торжественно. Над ратушей, где состоялся официальный прием, был поднят Государственный флаг СССР. Приветствуя гостей, мэр города Саутгемптона г-жа М. О'Хиггинс заявила:

«Мы считаем полезным общение нашего народа с народами других стран. Такие визиты улучшают взаимопонимание между народами, устраняют недоверие, которое существовало раньше».

Жители Саутгемптона проявили исключительный интерес к советскому кораблю. Сотни англичан побывали на «Экваторе». «Очередь к русскому судну» — так озаглавила свое сообщение газета «Дейли телеграф» из Морнинг поста. Моряки охотно отвечали на вопросы, показывая гостям все, что те хотели осмотреть. Английская печать отметила безукоризненную вежливость и радушие хозяев судна.

Состоялись дружеские встречи советских курсантов с моряками английского корабля «Агнет» и кадетами морского училища. С последними был проведен футбольный матч, закончившийся ничью со счетом 1:1. Советские моряки осмотрели город и доки, совершили экскурсии на исторический фрегат «Виктория», на котором в Трафальгарской битве погиб адмирал Нельсон, и на трансатлантический теплоход «Куин Мэри».

«Экватор» побывал также в портах Голландии, Дании, Албании, Польши. И всюду люди стремились высказать чувства симпатии к советскому народу. В Копенгагене одна посетительница, пришедшая на борт судна, спела несколько советских песен. В Роттердаме на «Экватор» явилась большая группа молодежи — сторонники мира. Юноши и девушки специально приехали из Копенгагена, чтобы встретиться с советскими моряками и передать им привет. Они привели с собой аккордеоны, и первой песней, которую они затянули, был «Гимн демократической молодежи». Сердечными были встречи с албанскими и польскими друзьями.

У моряков «Экватора» бережно хранится книга отзывов. Записи в ней на различных языках сделаны в Дурресе, Роттердаме, Саутгемптон, Копенгагене, Гамбурге. Во всех этих странах выражены добрые чувства к СССР. Рейс советского учебного судна вокруг Европы еще раз подтвердил, что люди доброй воли во всех странах стремятся к миру и сотрудничеству, к расширению контактов и дружеских связей между народами.

Р. ТРОФИМОВ
ВЕНТСПИЛС
На снимке: советские курсанты — моряки учебного судна «Экватор» и кадеты английского морского училища в Саутгемптонне.

ИЗ БАКУ
В КРАСНОВОДСК
НА ПАРОМЕ

КРАСНОВОДСК. (Наш корр.). Недавно в Каспийском пародосте одобрен технический проект самоходного скоростного парома для перевозки через Каспий железнодорожных составов из Баку в Красноводск.

Вагоны транзитного поезда будут вытаскиваться на четырехколейную палубу, пассажиры перейдут в каюты парома. К их услугам — музыкальные салоны, библиотека, душевые, ресторан.

Путь через море займет двенадцать часов. Почти на две суток сократится время пребывания в пути пассажиров, следующих из Москвы в Ашхабад. Такое же путешествие по морю будут совершать и товарные составы.

ФЕЛЬТОН Сон в руку...

Нет предела желаниям, и когда осуществление того или иного из них кажется вполне реальным и вместе с тем ускользает из рук, — очень часто с человеком происходит то же, что произошло недавно с А. М. Гравитом, министром промышленности мясных и молочных продуктов Латвийской ССР.

Гравит потерял покой. Все, что происходило вокруг, теперь представляло перед ним как типичное «не то». Сам себе он казался человеком незадачливым обиденным по службе, не уважаемым начальством и не особенно чтимым подчиненными. Прошел прежний аппетит, сердце было неспокойно, по ночам снился один и тот же сон. К его подвезу подкатывал, сверкая зеркальным лаком, «ЗИМ». Шофер сигнализировал — о, боже, что это были за звуки! Бархатные, солидные, чуть рожочущие, они очаровывали слух, улаживали. Гравит каждый раз гордо подходил к машине, открывал дверцу, и каждый раз шофер не спешил оборачиваться и грубо бросал:

— Куда садитесь? Не ваша!

После этого «ЗИМ» исчезал, а Гравит просыпался. В ушах еще звучала мелодия гудка, но теперь в ней уже чего-то не хватало... Звук усиливался, и министр горестно ощущал в них реальность: это за ним приехала персональная министерская «Победа». Пора на работу.

Процаясь с женой, он читал в ее глазах немой упрек: «Эх, ты Министр, а на «Победу» едешь...». Он рывком хватал портфель и выходил из дому. Персональная «Победа» казалась ему особенно неказистой и маленькой. Шофер как будто тоже смотрел на него с укоризной: до каких, дескать, пор, на этой... Дверца захлопывалась с каним-то визгом.

Сегодня в свой кабинет министр вошел окончательно расстроившимся. Попросил секретаршу вызвать заместителя.

Что происходило за закрытыми дверями кабинета, о чем говорил министр и что отвечал его заместитель А. В. Майзит, остается неизвестным. Известно лишь, что Майзит вышел с выражением полной решимости на лице и приказал немедленно вызвать в Ригу директора Валмиерского мясокombината В. Я. Якобсона.

Вскоре Якобсон спешился у здания министерства и проследовал в кабинет Майзита.

— Ну, как живете-можете, товарищ Якобсон? — спросил зам. министра. — В чем нуждаетесь, товарищ Якобсон?

— Нам бы авторефрижератор для перевозки продуктов...

— Рефрижератор? С рефрижератором успеет, товарищ Якобсон. А сейчас вам надо «ЗИМ» купить!

— Не нужен мне «ЗИМ»...

— Нельзя быть эгоистом, товарищ Якобсон. Вам не нужен «ЗИМ», мне не нужен «ЗИМ», а может быть, кому-нибудь он и нужен... Понятно?

Понятно-то понятно, да где деньги взять?

— А вы на госбанк нажимайте, добивайтесь средств, ну, скажем, на малую механизацию...

— Какая же это механизация — «ЗИМ»? Нет, не даст госбанк.

— А это уже ваше дело — упираться конкретный «ЗИМ» в абстрактную смету, товарищ Якобсон. Одним словом, проявить сообразительность, инициативу, так сказать...

Обозначенный директор вернулся в Валмиери и, не заезжая домой, сразу же

направился к Г. К. Апинису, председателю колхоза.

Следствием этого визита явилось созванное вскоре заседание правления колхоза.

На повестке дня — два вопроса, — провозгласил председатель. — Первый: о приобретении легковой автомашины «ЗИМ». Кто за? Кто против? Кто воздержался? Принимаются. Бухгалтер, поручая вам в порядке аврала собрать талоны, выделенные колхозу на приобретение промышленных товаров за сданные государству продукты. На сорок тысяч — копеечка в копеечку. Есть? Ставлю на обсуждение второй вопрос. Кто за то, чтобы продать легковую машину «ЗИМ»?

— Как продать? Ведь только что купили!

— Для того и купили, чтобы продать — тут такая ситуация, — невозмутимо ответил председатель.

— Кому продать?

— Известно кому — мясокombинату.

У них там с малой механизацией что-то не ладится. Итак, против нет? Принимаются. Бухгалтер, обеспечьте перечисление на наш текущий счет от мясокombината сорока тысяч. Видите — и денежки целы и соседу помогли.

...И день настал. С утра в кабинет министра А. М. Гравита твердой поступью вошел его заместитель.

— Александр Мартынович, новость! Валмиерский комбинат «ЗИМ» купил. Новенький, просто игрушка.

Министр сделал строгое лицо, хотя сердце так и прыгало в груди.

— Где купил?

— В Валмиерском райунивермаге. У колхоза купили, где председатель товарищ Апинис, с рук на руки, так сказать, путем перечисления сумм.

— А ассигнования у комбината на это были?

— Нет. Помните, мы говорили...

— Ничего не помню, Анис Володарович. Приобретение незаконно, значит, надо отобрать. Пишите распоряжение Якобсону: автомашину сдать...

— То есть, как сдать? Куда? — растерялся Майзит. — Обратно?

— Зачем обратно? — улынулся министр. — К нам, на автобазу министерства...

И рабочий день пошел своим чередом. Но все-таки был на нем какой-то налет необычности. Выхода из кабинета министра, сотрудники, вызванные туда для внушения, дивились доброте министерского тона, а сотрудники, приглашенные для поощрения, рассказывали в коридоре, что проявленной к ним отеческой ласке не было границ.

Сам министр в эту ночь долго не мог уснуть. Думалось ему о том, какие всетаки исполнительные и расторопные у него сотрудники, как уважают они его — преемника закона. Наконец, Гравит задремал. И снова пришел к нему прекрасный сон. К полудню подкатил к «ЗИМ» сверкающий, зеркальный, персональный — и сназочно-сладо загудел. Гравит вышел, и вдруг шофер, так же как в предыдущих снах, обернулся и грубо сказал:

— Не ваша! В свою «Победу» садитесь.

И видение исчезло. Проснулся министр расстроивший и встревоженный:

— Неужели снова «Победа»?..

А. ГРАДОВ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Об изображении народной жизни

Леонид НОВИЧЕНКО

Большие задачи, большие требования, большие обязанности и большое, поистине открывающее вдохновение, — так можно кратко выразить главные итоги XX съезда партии, как они запечатлеваются в сознании человека, думающего о своем деле — советской литературе.

Съезд призвал всех литераторов к работе, которая должна быть неизмеримо плодотворнее и лучше, чем прежде; с трибуны съезда прозвучала требовательная и справедливая партийная критика нашей литературы; и вместе с тем — кто из нас в эти дни, после съезда, не ощущает в себе прилива новых сил, не видит широких творческих возможностей, как бы заново раскрывающихся перед многонациональной советской литературой!

Раздумья о современном этапе нашей жизни и своем деле, о том, как поднять его на высоту новых исторических задач, вставших перед страной, естественны в эти дни для каждого советского труженика. Тем более назрело время для них в нашем литературном деле — ведь оно серьезно отстало от больших требований партии и народа.

Нет никакого сомнения, что в борьбе за осуществление великой творческой программы, начатой съездом, еще более возрастает общественно-преобразующая роль нашей литературы.

Вот и сейчас, когда в народной массе идет глубокое изучение и усвоение решений XX съезда партии, когда стал фактом новый подъем, новое оживление идейной жизни советского общества, потребность в убежденном и страстном, подлинно партийном слове писателя-гражданина ощущается очень остро. Как нужно, например, это слово нашей молодежи, особенно, если речь идет о вдохновенном раскрытии того, что подлинным творцом истории является народ, о всестороннем показе боевых и созидательных подвигов народа, руководимого Коммунистической партией, об

изображении великих дел партии, о борьбе с отсталыми и пережитками культуры личности. А разве ошибкой будет сказать, что именно литература, активно вторгающаяся в жизнь, могла бы существенно помочь укреплению и всеобъемлющему внедрению в партийной, общественной, государственной жизни ленинского стиля, в чьему и призвал XX съезд?

Сейчас, после съезда, дело чести советских писателей — работать так, чтобы все более повседневно идейный тонус всей нашей литературной работы, всего художественного творчества. «Творческая деятельность в области литературы и искусства должна быть пронизана духом борьбы за коммунизм, вселять бодрость в сердца, твердость убеждений, развивать социалистическую сознательность и товарищескую дисциплину» — говорилось в отчетном докладе ЦК ВКПСС XX съезду партии. Бодрость духа, твердость убеждений, социалистическая сознательность, товарищеская дисциплина — для того, чтобы воспитывать эти качества в других, писатель, разумеется, сам должен быть их богатым и щедрым обладателем!

Наблюдая, как мы исправляем свои ошибки и огрехи, порожденные догматизмом, упрощенчеством, шаблоном-механическим мышлением, а главное — отрывом от жизни, в чем грешна немалая часть писателей и критиков, кое-что за границы уже изрядное время твердит, что советская литература, дескать, начинает понемногу «отходить» от своих идейных позиций. Стоит появиться у нас, например, повесть о любви, как там уже делают из этого факта «погрязшие» выводы о том, что времена героической и общественной драмы, дескать, миновали и что для советских писателей теперь главное — изображать «частную жизнь» отдельных индивидумов. Достаточно советскому писа-

телю опубликовать произведение, критикующее те или иные отрицательные явления, как в зарубежных газетах определенное направление сразу появляются статьи, в которых доказывается, что «старые гоголевские, бальзакские, диккенсовские ситуации» являются типичными для советского общества (вот куда они метят!), потому что, мол, «революционная романтика Маяковского» безвозвратно ушла в прошлое... Короче говоря, авторы подобных писаний выдают за действительное — желаемое, то, чего нет в нашей литературе, но что им очень хотелось бы в ней видеть.

Нет нужды доказывать, что они никогда не будут иметь этой радости, как никогда не имели ее в прошлом.

Марксизм-ленинизм доказал свою жизненную силу как единственно правильное, единственно плодотворное руководящее учение в области литературы и искусства, как и во всех других областях. Ленинские принципы, лежащие в основе нашей литературы, — животворная коммунистическая идейность, народность, партийная страстность, ослепленный великими целями социалистический реализм, видящий не только сегодняшний, но и завтрашний день и изображающий жизнь в ее революционном развитии, — были, есть и будут главнейшим условием ее роста, ее успехов, ее отрядных и почетных творческих свершений.

Другое дело, что нам не всегда хватало глубокого, подлинно творческого разумения этих жизненно важных понятий. Так было, в частности, и с понятием идейности в литературном творчестве, понятием, которое иногда вульгарнейшим образом сводилось к примитивному иллюстрированию тех или иных тезисов — пусть даже в самых правильных.

Так возникла одна из болезней художественного творчества — поверхностная, неизбавно схематическая и вульгарно-тенденциозная иллюстративность — своеобразный эстетический аналог такой же вредной болезни догматизма и зачетничества в науке, в пропаганде. По существу иллюстративность при всей видимости «качественности», которой ей удавалось достигнуть, означала то же самое, что и эти яв-

ления, а именно — отрыв от жизни и чисто внешнее, чисто книжное, зачетнически-школярское применение тех или иных важных идей. Ведь куда легче было проиллюстрировать определенное явление, насписав сочинения «наглядные примеры» к газетной передовице, чем путем пытливого изучения действительности, ослепленной проектором марксистско-ленинской теории, раскрыть сложную и многогранную правду жизни, правду, которая не только подтверждает эту теорию, но и в известной степени обогащает, дополняет ее, давая определенным теоретическим положениям живой эстетический «воздух». А между тем сколько раз в нашей литературной критике признавались вполне благополучными «со стороны идейности» и даже поднимались на цит такие вещи, в которых содержался почти нулевой коэффициент собственных мыслей и наблюдений автора, но зато неопровержимо доказывалось, что Волга впадает в Каспийское море!..

Что породило в нашей литературе иллюстративность, как своего рода «творческий» прием, применявшийся отдельными писателями? Сильно сказалась тут культ личности. Этот культ приводил к превращению коллективной мыслью партии и народа, оковывая инициативу рядовых коммунистов, рядовых советских людей. Культ личности связывал и творческую мысль художников слова, толкая их на путь схематизма и узурпаторности, отрывая их от живой жизни народа, мешая им творчески — то есть единственно правильным образом — применить в своем труде величайшую науку нашего времени — марксизм-ленинизм.

Успешно решать задачи коммунистического строительства, говорил В. И. Ленин в 1920 г., можно, лишь «...упреждать коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ...» в руководство для практической работы.

В «иллюстративных» произведениях идеи, как правило, оставались в пределах «готовых заученных формул»: перейти в житейное дело, в живые мысли и чувства читателей они были бессильны. Вместо живых людей в таких произведениях действовали одиозные тезисы, стандартные «представители» тех или иных сил, персонажи, замещающие штатные должности сюжета согласно заранее известному расписанию... Идеи, даже самые

связанные, самые высокие, не выражались своеобразно, неповторимо в характере и поступках героев, не раскрывались эстетически и эмоционально по-новому, в неизвестном ранее повороте, так, чтобы взволновать читателя, вселить бодрость в его сердце, дать новую силу его устремлениям в коммунистическое будущее.

И когда партия призывает сейчас литераторов, так же как и других работников советской культуры и науки, стать ближе к жизни, активнее участвовать в решении вопроса коммунистического строительства, — то это и призыв к тому, чтобы подлинно действительным, живым, востановленным было то, что мы называем идейностью литературных произведений.

«Помните политическую трескотню. Помынные интеллигентские рассуждения. Поблизе к жизни. Поблизе к жизни, к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе. Поблизе проверни того, насколько коммунистично это новое».

Это было сказано Владимиром Ильичем давно — в первые годы советской власти, и сказано не о художественной литературе, а о прессе, печати вообще. Но суть, дух этих ленинских указаний, ленинских требований к общему стилю работы полностью сохраняют свое значение и для современной литературы, особенно, если речь идет о ее центральной теме — теме социалистического труда.

Нельзя не видеть, что некоторые произведения, посвященные этой теме, по существу, бездумны, бесперспективны. Речь, конечно, идет не об изложении производственно-технических и экономических проблем, а о вытекающих из этих проблем или сопутствующих им больших общественных-психологических, моральных, философских проблемах. В то же время — одно с другим тут тесно связано — в этих бездумных произведениях почти не ощущаются живые авторские наблюдения, добротный жизненный материал, полученный, так сказать, из первых рук. В них не слышишь тем живительным воздухом фактов, в котором, по известному образному выражению И. П. Павлова, только и может легко парить мыслы.

Или очерк С. Журавича «Простые заботы», опубликованный в влеском сборнике «Широким шагом», а затем в «Знамени», то получаешь значительное больше живых представлений о наших современниках — не только об их делах, но и страстях, эмоциях, интереснейших граниях характера, — чем из многих, еще недавно появлявшихся у нас романов, повестей и пьес на современную тему.

У нас бо — речь идет вовсе не о проповеди какой-нибудь новой «фактографии», не о том, чтобы поставить очерк «выше» романа. Нет, всем сказанным мы лишь имеем в виду подчеркнуть, что иные романы на современные темы у нас получаются бескрылыми и бездумными в смысле насыщения жизненным человеческим материалом; что в них часто нет того, с чего начинается подлинно гражданственное искусство: нет стремления выявить в общественной жизни, в духовном облике советского человека еще не выясненное; нет желания действительно участвовать в решении того, что еще решается в жизни, поддержать то, что только рождается, становится на ноги, — и этим помочь партии и народу в осуществлении великой программы коммунистического строительства.

Мы не можем «планировать» литературу ни на ближайшую пятилетку, ни на какой-либо другой

СКАЗКА И БЫЛЬ

Евгений Елисейев пишет мало, выступает со стихами в печати редко. Итог десятилетней работы поэта — тонкая (десять стихотворений и две поэмы), изящно оформленная книжка.

Книгу «Берева» характеризуют глубокие лирические раздумья поэта, негромкий, но убедительный голос. Любовь к родной земле, к ее привагивной природе пронизывают стихи поэта:

Тыко-тыко... Тепло...
Сядь шепота в семейном лукошке.
У калитки нет-нет,
Шевельвет волосами ветла.
С потемневших кустов
Вдур сиреню пахнет,
И в разбитом чуланном окошке
Зверовато блещет
Удешевший осколок стекла.

Удивительно простой и солнечный мир, овеянный цветом черемухи и пылью просеков, становится близок и дорог читателю.

Ветер «расчесал ржаное поле на пробор», «сручая, от зноя разомлевшая волна» мурлычет у ног девушки. Дети «вдохновенно кончатся одряхлевшей сосну».

Сколько раз русские березки присутствовали в стихах в качестве кузнецких заставок, необходимых, но примелькавшихся примет пейзажа. По-иному взглянул на березы Е. Елисейев, попытался проникнуть в душу природы.

Что-то в них от русской души,
Прямоты и скромности русской,
Хоть они роняют листву,
Но стоят упрямо под ветром.
Сколько видится красота,
Затаенной гордости в этом.

От этих берез в роце «светло даже ночью».

Природа всегда останется вечно молодой, способной будить в нас богатые впечатления. И хочется слушать исполненные живого чувства стихи Евгения Елисейева:

Не выдаться ни конных и ни пешеход,
Лишь стволы берез в глазах рясат.
Уважаю водяных и лесных —
Славных, но запуганных ребят.
Беспорозным, худо ни живется!
Встречу, папирской угошу...
Ой вы, гуси-лебеди — березки,
Как найти мне то, чего ищете!

К сожалению, приходится отметить, что мир поэта часто становится обособленным, ограниченными впечатлениями детства.

Мне все здесь кажется вокруг
Неизменяющимся с детства...
— говорит Е. Елисейев в стихотворении, открывающем его книгу.

Задумываясь — и видишь, что поэт смотрит на наше время через волшебное стекло сказки.

Хороша двестиэта узорная канва народной сказки! Но во сколько раз прекраснее и богаче ее сама жизнь — быть о простых людях, творческих чудеса, о подвигах советского народа!

Рассказывает поэт своим читателям о наших днях, описывает труд и любовь Евгения Елисейева. «Берева». Стихи, поэмы, «Молодая гвардия». 1955. Стр. 71.

сельской молодежи в большом стихотворении «Любит — не любит». Но здесь ему изменяет чутье, чувство меры. Рассказ о любви Алени и Татьяны получился длинным и вялым, конфликт, возникший между двумя бригадами на почве соревнования, с поразительной легкостью разрешен эпизодическим лицом — секретарем райкома ВЛКСМ в келье из сельвета.

Мы не ошибемся, если скажем, что Евгений Елисейев пришел в поэзию не по многолюдному, полному жизнью шоссе, а по заросшему воспоминаниями проселку. Особенно убеждаешься в этом, вчитываясь в лирическую поэму «Аленушка». Герой поэмы, горожанин, возвращается в родное село, грустит о своей любимой девушке, ставшей медсестрой и погибшей на фронте.

Все есть в этой поэме — и чистые, точные описания родной реки, ночного луга, и раздумье о судьбе обрабленного войной села, и лирическое отступление, полное светлой грусти и первой любви.

Одного только нет в поэме — образа ее героини. Аленушку мы нередко встречаем в детстве героев, не успеваем к ней приглядеться. Живую, любознательную школьницу постепенно заслоняет знакомый нам сказочный образ васнецовской Аленушки, к которой «спускался месяц-чародей». Эта Аленушка сидит над речными кувшинками, задумчиво смотрит, как кружат снежные стрелки. И здесь старая сказка окутала своим туманом жизнь, победив ее. А как бы хотелось встретиться с живой Аленушкой, увидеть первую робкую любовь героев поэмы, узнать, как выросла сельская школьница, как она стала защитницей Родины!

Исно видны в поэме следы других выживших влияний.
Это очень смешно —
Мимо дома родного пройти.
Рвется пес на цепи,
За калиткою чужа чужого.
Для него я чужой,
А он тут, выдаться, не в чести.
Это очень смешно...
Пройти мимо дома родного.

В родном доме поэта поселились другие люди. Но прежде всего вспоминаешь, что так писал о возвращении на родину Сергей Есенин. С тех пор прошло тридцать напряженных, богатых событиями лет. Все в жизни изменилось, стало иным. А молодой поэт продолжает идти по следам своего предшественника. Знакома нам и «нежная девушка в белом пуховом платке». Это — родная сестра есенинская «девушка в белой накидке».

Заглянув книгу интересного и удивительного поэта, прощаешься с ним, словно с хорошим другом, задумываясь о его дальнейших путях. Пора Евгению Елисейеву уйти из мира бабушкиных сказок, «малышеских идиллий», радости, возникших «на заре туманной юности».

Надо ему выйти на простор больших мыслей и чувств, влюбиться в повседневную трудовую жизнь родной страны, ждущей своих поэтов.

Ф. ФОЛОМИН

На днях общественность столицы отметила 70-летие со дня рождения и 30-летие творческой деятельности одного из старейших московских журналистов — талантливого советского графика В. А. Фаворского. Его рисунки и рисунки пользуются большой известностью не только в нашей стране, но и за рубежом. На снимке: В. А. Фаворский в своей мастерской.

ПОЧТА ИЗ-ЗА РУБЕЖА

КИЕВ. (Наш корр.). Эту техническую библиотеку часто называют одним из цехов завода «Большевик». Если взять список рационализаторов, то он почти полностью совпадает со списком наиболее активных читателей библиотеки; ни одно техническое общество не осуществляется, таким образом, без участия «Библиотечного цеха».

У завлечения библиотекой Марии Алексеевны Крупской большое хозяйство: 16 тысяч трудов по различным отраслям промышленности, огромный справочник математики, свыше ста названий периодической литературы... А теперь прибавилась еще иностранная техническая литература.

Когда на заводе получили каталог зарубежных технических изданий, с ними ознакомился во всех отделах и цехах. Здесь подписались на 59 журналов, изданных в США, Англии, Франции, Федеральной Республике Германии и других странах. Библиотека в свою очередь выписала еще девять журналов из Чехословакии и Германской Демократической Республики.

Заводская библиотека поддерживает контакт с Институтом научной информации Академии наук СССР. Он присылает так называемую «экспресс-информацию», содержащую новейшие сведения по различным областям науки и техники.

Среди работников завода, особенно инженеров и техников, есть немало людей, владеющих иностранными языками. Главный конструктор Д. Рабинин, главный технолог М. Тагнев, инженер-химик С. Школьник и старший мастер электроцеха Ю. Примаков свободно читают по-немецки, старший технолог Ф. Гловаты — по-польски, главный инженер И. Миргородский знает английский язык... Для того, чтобы расширить круг читателей зарубежных журналов, наиболее интересные статьи переводятся на русский язык и затем в нескольких экземплярах — с фотографиями и чертежами — передаются в техническую библиотеку, где каждый может с ними ознакомиться.

Около тысячи человек являются постоянными читателями технической библиотеки завода «Большевик».

Впервые на русском языке

БАКУ. (Наш корр.). Азербайджанское государственное издательство «Азернешр» выпустило для русских читателей сборник стихов поэта Мирсыя-Али Молдужу. Он жил в Иране, и многие его сатирические стихотворения были направлены против правящего класса порабощенного народа. С большой любовью писал поэт о стране Советов, о Ленине. Произведения Молдужу, скончавшегося в 1934 году, не увидели света при его жизни — их издание было запрещено.

В разное время в Баку вышло на азербайджанском языке несколько сборников его стихов, на русском языке они изданы впервые. В сборник вошло свыше пятидесяти стихотворений, переведенных П. Панченко.

Влиянием и руководством передовых борцов растут и воспитываются те, кто еще вчера был в политическом отношении «шершневый материал», а сейчас и после — поэты, авторы лучших, признанных народом книг, начиная с «Матери» Горького, никогда не достигали своей цели «скратчайшим», облегченным путем. Для того, чтобы показать силу нравственного влияния большевистской Ленинской, скажем, на бойца Морозку, Фаворев в «Разгром» прибегает ни к скоростному повествованию последнего, ни к превращению его в подсобного статиста при «главном» герое. Наоборот, чем более «сложным», оркестровым, трудным, по-своему «самобытным» выступает Морозка, тем нагляднее проявляется перед читателем духовная сила Ленинского, сумевшего, в конечном счете, направить нравственное развитие молодого партизана по верному пути. И поблону взаимозависимости между образами людей, воплощающих — пусть на небольшом участке и в краткий период — руководство партии, и образами «рядовых» представителей массы мы видим во многих крупных произведениях нашей литературы.

Если правдивые и яркие образы большевистских руководителей как бы освещают собой все лучшие качества «рядовых» героев, то с другой стороны, лишь правдивое и многогранное изображение именно этих героев со всеми их сильными и слабыми сторонами дает возможность по-настоящему убедительно показать их духовную силу тех, кто идет вперед. Прекрасным примером может быть «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, где эта взаимная зависимость стала одной из главных поэтических мыслей произведения. Величие подвига и силу духа женщины-командира здесь нельзя ни на минуту представить себе, не зная всей правды о людях, порученных ее руководству.

Это — основная традиция советской литературы в изображении народа, в показе массы и ее руководителей. Но было бы ошибкой не видеть и тех людей, неправильных тенденций, которые наносили немалый вред нашей литературе и искусству в течение последних полутора десятилетий. Вспомним хотя бы такие кинофильмы, как, скажем, «Клятва» или «Падение Берлина», могущие быть своего рода «образцами» в смысле донесения до геркулесовых столбов тех антиреалистических концепций, которые

О ТИЖЕТОЙ поро жизни в дедовском доме Горького писал: «Она вспоминается мне, как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, ожившая прошлое, и сам порою с трудом верю, что все было именно так, как было... Но правда все же жалостливая...».

Желание извлечь из туманной дымки воспоминаний факты, события, людей такими, как они были, пронизывает столь разные по содержанию и манере письма произведения автобиографического характера, как «Повесть о детстве» Ф. Гладкова и «Ленка Пантелева» Л. Пантелева, «Мое поколение» Б. Горбатова и «Открытие мира» В. Смирнова.

Тем же требовательным чувством правды, искренности и простотой отмечена повесть Степана Шипачева «Березовый сок», напечатанная в «Новом мире» (№ 1, 1956 г.).

Это произведение примечательно и как первый прозаический опыт известного поэта, и как еще одна своеобразная страница о жизни революционной деревни, и как рассказ о ранних годах детства писателя, прошедшего большой и плодотворный путь в советской литературе.

Уже само название произведения бросает отблеск на все дальнейшее повествование. Мысли о ранней поре детства, о все в жизни и ее первых соках возникают при этих словах: «Березовый сок». И действительно, несмотря на суровую долю, доставшуюся крестьянскому мальчику-бедняку, который уже с малых лет батрачил у хозяина, затем работал на приусадебн. д. добывая себе кусок хлеба, лишен был обычных детских радостей... Несмотря на это, рассказ Шипачева не оставляет впечатления гнетущей безрадостности.

Писатель сознательно отказывается от изображения беспросветности жизни. «Вам бы ни было детство», — говорит он в первых же строках повести, — пусть даже тяжелым и горьким... это светлая и милая сердцу пора». Кажется, что автор не вмешивается в ход событий, не комментирует и не направляет их. Они изложены очень просто и сухо, такими, как они представлялись взору ребенка. Как будто ничего не привнесено «от взрослого», последующего осмысления событий, от опыта человека, вспоминающего о далеком прошлом с высоты размысленной зрелости. И вместе с тем в маленьких картинках детства, запечатленных в «Березовом соке», чувствуется значительность происходящего, обращается серьезным жизненным смыслом.

...После смерти отца в семье наступила глубокая, повседневная нужда. Иба покосилась. Вместо недостающих стелок и в холодную зимнюю пору окна заделывали бумагой. Спали на чем попало. И вот, наконец, обед.

«Радостной минутой было для нас, — читаем мы, — когда мать вытаскивала ухватом из печи тяжелый чуток с картошкой, сливала воду и ставила его на

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

...Беру с книжной полки сына подряд 50 книг. Иду в них предисловия, объяснения. Оказывается, что они есть только в четырех книжках.

В «Рассказах и сказках русских писателей» (Детиз, 1952) краткое обращение «К читателям» состоит всего из 13 строчек, но их оказалось вполне достаточно для объяснения сущности сборника.

Всего на двух страничках, но с любовью и проникновением пишет автор предисловия о П. Ершове и о его сказке «Конек-Горбун» (Детиз, 1949).

К «Рассказам и сказкам» К. Ушинского (Детиз, 1954) дается краткое сообщение о жизни и деятельности автора.

Примером хорошего пояснения является предисловие к книжке «Три веселых автобуса» В. Кузнецова (Детиз, 1955).

ПРОЗА ПОЭТА

З. БОГУСЛАВСКАЯ

стол, где уже обычно стоял закипевший медный самовар. Бабушка кликала со двора Павла, и все садилось за стол. Перекидывая горячие картошки с ладони на ладонь, мы следили за ним козуру; душистые, густо посоленные, какими вкусными казались они! Потом пили чай. В сахарнице лежало несколько потемневших катышков сахара. Один из них я несомненно брал пальцами и откусывал от него самую малость. Другой раз его брали сестренки или брат, мать или бабушка, от чего катышек становился еще темнее, но, почти не уменьшаясь, снова возвращался в сахарницу».

Картина социального неравенства, каменных отношений вырисовывается по мере развития действия в повести все отчетливее и конкретнее. Со страниц произведения встают образ матери, доброй и суровой женщины, надорванной нуждой, но умеющей и в самых трудных обстоятельствах сохранить чувство достоинства, образ брата Павла, человека широкой образованности и умного, образ крестьянских детей. С большой внутренней силой и лаконизмом рисует писатель фигуры деревенских кулаков, так называемых «пахотных», которые ласково заигрывают с бедняками, а потом берут их «мертвой хваткой».

Умение несколькими словами запечатлеть образы окружающего, эмоционально, как в стихе, передать свои впечатления, уловив самое главное в них, — вот в чем сильная сторона повести, в которой органически слились лиризм и суровая правда, поэтическая одухотворенность и будничная жесткая достоверность. Мы видим, как на картине, живя деревни Шипачи с горой Восвоянской, окруженной богатым ягодным лесом, с осенними старыми избами, с ее двумя речками, звонкой и резвой Подольной и Калиновкой — речкой-труженицей, которая вертит жернова всех деревенских мельниц.

Характерно и само построение повести. Она состоит из глав, представляющих собой как самостоятельные небольшие новеллы. Каждая из них — это, по существу, стихотворение в прозе, напоминающее по композиции стихи Шипачева. Плавное течет повествование, ничего лишнего, средства выразительности очень экономны. Подходяще к концу — кажется, что рассказ сейчас оборвется, хотя как будто не сказано чего-то самого главного. И вдруг одна-две заключительные фразы, и все, что мы узнали, заиграло по-новому, осветилось особым смыслом, стало значительным.

Так, например, глава «В другой семье» посвящена рассказу о том, как из семьи брата, где мальчик донимала бранью и попреками сноха, он ушел в семью матери, вышедшей вторично замуж. По волею судьбы было бы предположить, что

Детской книге требуется предисловие

В остальных сорока шести книжках ни предисловия, ни пояснения не имеется. Для некоторых книг они и не требуются, но в ряде других случаев из-за отсутствия предисловия или объяснения многое остается непонятным, вызывает недоумение.

Например, в книге «Для малышей» Л. Толстого к тексту даны хорошие, правдивые рисунки А. Пахомова, но без краткого сообщения о времени, которое описывается в книжке, непонятно, почему девочка Катя умыивается из ковшика, почему мальчик Вася спит на полу, почему кукла Груши сделана из сена и т. д.

В 1954 году Детизмом была выпущена прекрасно оформленная художником В. Кошачевым сказка «Мороз Иванович» В. Одоевского. Читатель или, вернее, родитель, конечно, знает о поэте

в этой, другой семье и наступит для героя счастливая жизнь. В этом повидит нас авторский рассказ. И вдруг мы вместе с мальчиком являемся случайными свидетелями грубого ночного разговора между сыном отчима и его женой. Новые сорочки ругают мальчика, которому теперь могут достаться изба и хозяйство. И вот неожиданная концовка: «И затаял дыханье. Хотелось спрыгнуть с гребня, зарычать: «Не надо мне нашего ничего!». Но я лежал, словно оцепеневший».

Я понял, что и в этой семье житья мне не будет».

Алексей Толстой как-то написал о Шипачеве: «...его лирический рассказ всегда подводит к концу, полной глубокого значения, где раскрывается смысл стихотворения, дается ключ к нему, и часто не только к нему, но к идее, для подбора к которой предшествующие строки — только заманивающая тропинка».

Так и в главах повести ключ к рассказу содержится подчас в концовке, в то время как сам рассказ является лишь заманивающей тропинкой.

Открытие мира глазами ребенка происходит в ряде наших автобиографических произведений. В этом смысле в повести Шипачева много традиционного. Особенно близки интонации, в которой ведется повествование, и круг впечатлений, воспринимаемых героем, с тем, что мы видим в «Открытии мира» В. Смирнова. Быть может, поэтому отдельные вещи кажутся нам в «Березовом соке» уже знакомыми и не вызывают ощущения авторского первооткрывательства. Не все главы повести написаны одинаково выразительно. В некоторых из них чувствуются скованность автора, его излишнее подкрепление желанием быть лаконичным до скудости, передать события, не внося в рассказ своего отношения к ним. Это, например, относится к главе «Ревтишки», где писатель не поддался до обобщения в изображении деталей жизни и быта деревенской детворы.

Нет в этой первой повести Шипачева и широты исторических обобщений, полноты и богатства жизни в различных ее проявлениях. Но мы понимаем — кругозор ребенка еще невелик, мир больших идей и чувств, значительных социальных событий лишь начинает проникать на страницы произведения по мере того, как он открывается мальчику. Лишь первые раскаты грома революции входят в его детское сознание, когда он оказывается невольным участником забастовки на приусадебн. д. первые раздумья о жизни и ее законах появляются у него, но мы уже видим, что стены небольшого мира мальчика с годами будут раздвигаться все шире. Все более значительные общественные события войдут в его жизнь. И поэтому, прочтя повесть «Березовый сок», ждем рассказа о жизни его героя, ждем новой прозы поэта Степана Шипачева.

А. Одоевском — декабристе и авторе ответа на знаменитые послания в Сибирь

А. Пушкина, но о В. Одоевском он может и не знать. Однако редактор книжки Э. Эмден не предоставил сказанного объяснения. В результате многие читатели приняли В. Одоевского за малоизвестного современного детского писателя, который написал не самостоятельное произведение, а приурочил известную сказку братьев Grimm «Госпожа Метелица».

Конечно, в этих и подобных случаях предисловие просто необходимо.

При этом следует помнить, что предисловие нужно не только детям или даже не столько им, сколько оно необходимо родителям для пояснения прочитанного детям.

А. САРВАНИДИ

ИРКУТСК

В журнале «Иностранная литература»

Журнал «Иностранная литература» уделяет большое внимание вопросам современной английской литературы и искусства. В уже вышедших номерах журнала опубликованы повесть Дорис Лессинг «Муравейник», рассказ Альфреда Коппарда «Во всем виноват Толстой», статья о новом романе Джеймса Олдриджа «Герои пустынных гор», статьи английского литературоведа Арнольда Кеттла «Английская литература в 1955 году», ряд рецензий на книги английских авторов и русских литературоведов, посвященные истории английской литературы. Журнал опубликовал статью С. Ф. Пауэлла «Водородная бомба и будущее человечество», путевые заметки Н. Гудзия «По Англии и Шотландии».

В ближайших номерах «Иностранной литературы» начнется печатание нового романа Г. Грина «Тихий американец», в дальнейшем намечается опубликовать подборку стихов и рассказов Дилана Томаса. Редакция предлагает также познакомиться читателю с творчеством писателя-шахтера Догерти, новым романом Д. Соммерфилда «Наследство» и другими произведениями английских писателей. В майском номере будет воспроизведен ряд рисунков известного английского художника П. Хогарта и напечатана статья о его творчестве, принадлежащая перу советского художника О. Верейского.

СОВЕЩАНИЕ МОСКОВСКИХ КРИТИКОВ

В редакции «Литературной газеты» состоялось заседание секции критиков и литературоведов Московского отделения Союза писателей СССР. Председательствовал

Н. Лещосевич. Собравшиеся обсудили в свете итогов XX съезда КПСС вопросы освещения литературы и литературной жизни на страницах газеты.

Думается, не нужно добавлять, что любая проблема в художественной литературе может быть лишь **человеческой** проблемой и что сам характер этой проблемы не следует понимать узко и грубо утилитарно. Проблемы «Крылья» А. Корнейчука, прямо и остро ставящие вопросы большой общественной важности, но проблема, в своем глубинном значении, и полная сердечной мудрости лирика Расула Гамзатова, читая которую вы как бы наглядно видите, что такое современная социалистическая народность в самом способе поэтического мышления и чувствования. В обоих случаях слово писателя строит, создает в душе читателя нечто несравно, но очень важное и существенное, а ведь это активное **строительное** воздействие на человеческие души и есть главное призвание нашей литературы.

2. Народ — творец и герой новой жизни — всегда был главным героем советской литературы. Ее лучшие книги всегда были исследованием — если можно применять к искусству это слишком «объективное» и спокойное слово, — пытливым художественным исследованием о народе, о том, как коммунистически преобразуя действительность, он растет и воспитывается. Изображая жизнь и борьбу широчайших масс трудящихся, советская литература показывала и показывает нерадостное единство народа с его боевым авангардом — Коммунистической партией, ибо в этом единстве — основа всех одежданных нами побед.

Вспомним лучшие книги, рассказавшие об утверждении и развитии советского строя, как правдивые и яркие в них многообразные типы, составляющие в целом единый образ народа, какие огромные **глыбы** жизни вставали за каждым из них. «Белый поток», «Чалава», «Разгром», «Любовь Яровая», «Тихий Дон», «Социальная целина», «Гибель вояки», «Восстание», «Люди из захолустья», «Как закалялась сталь», «Педагогическая поэма», «Молодая гвардия» — все эти произведения, как и многие другие из числа созданных нашей литературой, отличает великое внимание и уважение к душевному миру простого советского человека, принадлежит ли он к тем, кто идет вперед, или к тем, кого ведут за собой сознательные и организованные борцы.

Следует тут же отметить весьма важное обстоятельство: показывая, как пох

линием и руководством передовых борцов растут и воспитываются те, кто еще вчера был в политическом отношении «шершневый материал», а сейчас и после — поэты, авторы лучших, признанных народом книг, начиная с «Матери» Горького, никогда не достигали своей цели «скратчайшим», облегченным путем. Для того, чтобы показать силу нравственного влияния большевистской Ленинской, скажем, на бойца Морозку, Фаворев в «Разгром» прибегает ни к скоростному повествованию последнего, ни к превращению его в подсобного статиста при «главном» герое. Наоборот, чем более «сложным», оркестровым, трудным, по-своему «самобытным» выступает Морозка, тем нагляднее проявляется перед читателем духовная сила Ленинского, сумевшего, в конечном счете, направить нравственное развитие молодого партизана по верному пути. И поблону взаимозависимости между образами людей, воплощающих — пусть на небольшом участке и в краткий период — руководство партии, и образами «рядовых» представителей массы мы видим во многих крупных произведениях нашей литературы.

Если правдивые и яркие образы большевистских руководителей как бы освещают собой все лучшие качества «рядовых» героев, то с другой стороны, лишь правдивое и многогранное изображение именно этих героев со всеми их сильными и слабыми сторонами дает возможность по-настоящему убедительно показать их духовную силу тех, кто идет вперед. Прекрасным примером может быть «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, где эта взаимная зависимость стала одной из главных поэтических мыслей произведения. Величие подвига и силу духа женщины-командира здесь нельзя ни на минуту представить себе, не зная всей правды о людях, порученных ее руководству.

Это — основная традиция советской литературы в изображении народа, в показе массы и ее руководителей. Но было бы ошибкой не видеть и тех людей, неправильных тенденций, которые наносили немалый вред нашей литературе и искусству в течение последних полутора десятилетий. Вспомним хотя бы такие кинофильмы, как, скажем, «Клятва» или «Падение Берлина», могущие быть своего рода «образцами» в смысле донесения до геркулесовых столбов тех антиреалистических концепций, которые

бы порождены культам личности. От народа, от партийных и беспартийных масс, вынесенных на своих плечах тяжесть борьбы за победу ленинского дела, здесь, в этих фильмах, в художественном смысле, не осталось ничего, кроме невзрачных картонных фигурок, лишенных самостоятельного бытия и должностиваших лишь отвлечь собой деания «героев-чудотворцев». Подознанным планом «представители и выразители народа» Варзара Михайловна и Алексей Иванов, схематичны и в большой мере условны. Их назначение все то же — подчеркивать необычайные достоинства необычайного героя.

В некоторых помезных исторических и историко-биографических фильмах народ предстает чисто количественным понятием, нецеля раскрытия которого служат лишь шумные и как можно более «грандиозные» массовые сцены.

Неумение правдиво и многогранно показать простого, рядового человека наших дней, без обидных упрощений и бедней, раскрыть его душевный мир, изобразить его как крупный и самобытный характер — все замечено стало сказываться и в литературе. Некоторые писатели различившись за днем наблюдать, изучать, вчитываясь в жизнь своих рядовых сограждан. Критика с удивительной легкостью стала довольствоваться поверхностными иллюстративными образами, едва ли не каждый из которых имел «представительскую» функцию: без маната, с точностью удостоверяющего, какую именно «социальную силу» представляет данный персонаж, пройти ему в произведении бывало подчас просто немилосиво. Вот так и получалось, что если в лучших произведениях советской литературы образы простых людей были результатом пытливого исследования народной жизни, богатых и систематических наблюдений, раздумий, то в некоторых недавних произведениях они — всего лишь производное от не очень глубоких кабинетных соображений. Обидно, что на этот путь становились и талантливые литераторы с немалым запасом жизненных наблюдений.

Перу украинского писателя М. Стельмаха принадлежит известный роман «Большая родня». Не все в этом романе можно приравнять к точкам зрения высоких художественных требований, но несомненно удача автора в изображении центрального

героя — крестьянского парня, затем колхозного бригадира, затем партизана Отечественной войны Дмитрия Горичита. Живой интерес и симпатию читателя он вызвал прежде всего своим незаурядным, резко очерченным характером, своей глубокой типичностью и в то же время неповторимой индивидуальностью, далекой от внешней «гладкости» судьбой. Именно в такого Горичита мы поверили, именно такой он помог нам понять и почувствовать душу современного, советского крестьянина.

Но тот же автор через несколько лет выступил с повестью «Над Черемошем». Снова перед нами крестьянские образы, снова тема коренных социалистических преобразований в жизни села (на этот раз — карпатского, гуцульского), но если в «Большой родне» были и крупные народные характеры и интересные человеческие судьбы, то здесь этого не осталось и в помине. Острой и сложной была борьба за колхозы, за победу нового, социалистического в западноукраинском селе, но разве может передать сложность этой борьбы, с точки зрения раскрытия процессов, происходивших в душе «среднего» крестьянина, почти опереточная фигура Лесья Побережника, который переступившим в колхоз только на смех публике «козбаете», выражая это козбание в неумно-«наивных» вопросах и прочих благодушиях, а затем, конечно же, мгновенно перевоспитывается, доказывая свою стопроцентную колхозную сознательность бурным трепаном вприпятку...

Не говоря уже о «полноте» положительных героев повести — они еще более, чем Лесья Побережник, пресны, однолинейны и несложны. А ведь речь идет о людях, многие из которых в былые времена полвста искали в поисках куса хлеба, а, возвращаясь домой, не раз и не два поднимались против шляхетской власти, о людях, слово которых, запечатленное в фольклоре, убийственно метко и остро, о людях, у которых многим учились Иван Франко и Стефаня, Гаврилюк и Галан!

Упрощение, обеднение, «облегчение» образа рядового человека, превращение его в несложного статиста, которого «иллюстрируют» те или иные схемы, — беда не одной лишь повести «Над Черемошем». Это, пожалуй, наиболее из зол, которое нас сегодня нужно преодолевать. Не так просто покончить с культом «исключительных» героев. Но значительно труднее во всей художественной силе раскрыть бо-

гатое и сложное духовное содержание рядового — и в то же время незаурядного — человека наших дней. Значительно труднее и важнее добиться такого уровня реалистического мастерства в изображении рядового труженика, чтобы появление на страницах романа каких-либо отголосков и вариаций старого «пейзажника», старого «областного мужика», выдаваемых за «народные» образы, воспринималось бы, по крайней мере, как печальное недоразумение. На то ведь, когда вышла в свет повесть «Над Черемошем», критика довольно дружно объявила ее таким же достижением автора, как и роман «Большая родня»!

Серьезно виновна в этом наша литературная теория, много лет повторяющая бесспорную истину о народности литературы как выражении передовой идеейности, но крайне мало делающая для выяснения интереснейших сторон большого вопроса о народе как основном предмете изображения в искусстве социалистического реализма.

Возьмем, например, вопрос о широком и целом изображении народной жизни в современной литературе. Мне кажется, что чрезмерное распространение таких терминов, как «индивидуальный», «колхозный», «студенческий» роман, а также деление романов — с несколькими иной точки зрения — на «пролетарские», «семейные», «воспитательные» и т. д. отражает, помимо упрощенного подхода к литературе вообще, не совсем ясное понимание высшей цели писателя — через изображение отдельных явлений дать глубокую картину жизни всего общества, а через отдельные типы дать образ всего народа. Народ — вот главная тема и главный, всеобъемлющий герой советской литературы. Может быть, это такая самоочевидная истина, что о ней не стоит и упоминать? Может быть, вставая против деления литературы на узкие тематические секторы, мы выступаем против необходимой конкретности в художественном изображении современности, против всеобщего «охлаждения» литературой разнообразных жизненных явлений?

Нет.

Подмена понятия темы понятием жизненного материала и

НАСУЩНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Внимание всего мира приковано к зданиям Ланкастер-хауз в Лондоне, где с 19 марта происходит работа Подкомитета Юниски ООН по разоружению. Интерес этот понятен: миллионы людей во всех странах устают от гонимых вооружений, от страха перед новой войной. В успешном разрешении проблемы разоружения они видят надежду на ослабление международного напряжения, на укрепление доверия между Востоком и Западом. Не случайно Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира в Стокгольме посвящена этому животрепещущему вопросу.

Еще до возобновления работы Подкомитета в Лондоне многие обозреватели подчеркивали, что в настоящее время созданы благоприятные условия для достижения соглашения между великими державами. Основания для надежды вадала, в частности, разумная формула, предложенная французским представителем в Подкомитете Жюлем Моком: «Ни разоружения без контроля, — ни контроля без разоружения, только контролируемое разоружение».

Нельзя не согласиться с заявлением английского представителя в Подкомитете Наттинга о том, что соглашение по поводу планов сокращения вооружений «явилось бы величайшим стимулом для урегулирования всех других политических проблем, разделяющих сейчас мир». Положительный отклик вызвало также заявление американского представителя Стассена о том, что переговоры в Ланкастер-хауз «могут оказаться самыми важными международными переговорами после второй мировой войны».

Председатель совета министров Франции Ги Молле в интервью американскому журналу «Юнайтед Стэйтс энд Ворлд Репорт» выдвинул на первое место проблему разоружения. Он подчеркнул, что от разрешения этой проблемы зависит будущее мира для всех народов. «Разоружение должно быть всеобщим или же его совсем не должно быть», — сказал Ги Молле, и эти слова вызвали одобрительный отклик в широких кругах общественности.

Таким образом, многие ведущие политические деятели высказываются за разоружение. Что же препятствует этому? Среди других разногласий, возникших в Подкомитете, важное место занимает, как известно, проблема контроля над разоружением. В частности, американская точка зрения расходится и с взглядами Советского Союза и с взглядами тех, кто высказывается за формулу Жюль Мока.

Остановимся на этом вопросе. Президент США Эйзенхауэр в прошлом году на Женевском совещании выступил с предложением об обмене военной информацией и аэрофото съемках, как средстве проверки ее. Советское правительство со всей серьезностью отнеслось к изучению этих предложений. В новых советских предложениях предусматривается, что на определенной стадии осуществления всеобъемлющей программы разоружения, при укреплении доверия между государствами, заинтересованные страны рассмотрят вопрос относительно использования аэрофото съемок в качестве одного из методов контроля. Такая постановка вопроса отвечает правильному пониманию сущности и задач международного контроля. Однако новые американские предложения, внесенные в Подкомитет несколько дней назад, попрежнему ставят во главу угла не разоружение, а меры по контролю над вооружением.

Международный контроль имеет своей целью наблюдение за разоружением. Контроль может и должен быть средством, при помощи которого договаривающиеся стороны обеспечивают выполнение того или иного соглашения о сокращении вооружений. В этой связи можно напомнить историю создания контрольных органов после второй мировой войны, в частности контрольного совета по Германии.

Не трудно установить, что эти и другие международные контрольные органы создавались из виду, чтобы контролировать выполнение тех или иных конкретных международных соглашений.

Исторический опыт убедительно показывает, что подобные меры оказывались неэффективными, если они предпринимались изолированно от реальных мер по разоружению. Можно сослаться на Англо-Германский договор 1937 года, по которому обе стороны обязались обмениваться военной информацией в области морских вооружений. Горький опыт тех лет показал, что обмен информацией только разжигал соперничество и стимулировал гонку вооружений.

Высший главнокомандующий вооруженными силами Германии Рейдер показывал на Нюрнбергском процессе: «Я уже говорил здесь, что в отношении вооружения нашего флота мы должны были по кому-то равняться; до сих пор мы равнялись по французскому военно-морскому флоту, который был вооружен 330-мм орудиями. Позднее Англия увеличила калибр своих орудий до 356 мм... Тогда я сказал фюреру, что мы должны взять на вооружение орудия следующего калибра, то есть 356-мм орудия».

Далее Рейдер жаловался, что готовившаяся к захвату Германия «едва успевала» за своими соперниками и что «сравнение калибров», ведущее к гонке морских вооружений, «было обычным явлением».

В 1926 году Подготовительная комиссия по созыву конференции по разоружению предложила привести обмен военной информацией «в тесную связь с вопросом о сокращении вооружений». Таким образом, уже 30 лет назад было ясно, что та или иная форма международного контроля может иметь реальное значение, только если она поставлена в конкретную связь с мерами по разоружению. В этой связи стоит вспомнить, что именно делегация Великобритании заявила на Генеральной конференции по разоружению в июне 1933 года, что обмен военной информацией должен рассматриваться, как неотъемлемая часть программы ограничения и сокращения вооружений.

Предложения США, которые, по существу, сводят проблему разоружения к международному контролю, затронули разрешение этой проблемы. Эти предложения, поскольку они не обуславливаются реальными мерами сокращения вооружений, способны лишь стимулировать гонку вооружений и отнюдь поэтому не могут содействовать укреплению мира и «наименьшему отвлечению мировых людских сил и экономических ресурсов для дела вооружения», как это требует Устав ООН. Не случайно журнал «Форин Полиси Репорт» остромерно писал, что предложения США влекут за собой увеличение военного производства. Эти предложения журнал харак-

теризует так: «План воздушной инспекции в целях прототипирования атомного нападения, сопровождаемый производством атомного оружия в большом масштабе и увеличением стратегических ВВС...». Журнал подчеркивает, что план США связан с дальнейшей гонкой вооружений, и делает вывод, с которым трудно спорить: «Это едва ли разоружение, если слова что-либо значат...».

Приемлемой в современных условиях формой международного контроля можно признать лишь такой контроль, который, во-первых, является неотъемлемой частью конкретной программы разоружения и, во-вторых, обеспечивает от внезапного нападения. Именно такую форму международного контроля и предусматривают советские предложения, внесенные в Подкомитет 27 марта 1956 года.

Советские предложения предусматривают стройную систему мер, призванных содействовать дальнейшему смягчению международной напряженности, переходу к практическому разоружению.

Важно отметить, что эти предложения широко учитывают пожелания, которые выдвигались западными державами. Соглашались начать осуществление программы разоружения с сокращения обычных вооружений и вооруженных сил и не обуславливая его соглашением о запрещении ядерного оружия. Советский Союз показал еще раз свою волю достигать согласованных решений, свое стремление к установлению прочного доверия между Востоком и Западом.

Печать западных стран отзывает должное новым советским предложениям. Английский журнал «Нью Стэйтсмен энд Нейшн» пишет: «Каждая статья предложений, внесенных Россией, в тот или иной период выдвигалась западными державами. Что касается обычных вооружений, то сейчас, кажется, спорить не о чем: Россия идет навстречу всем условиям Запада, и соглашение должно было бы стать свершившимся фактом».

Американский журнал «Тайм» считает, что советские предложения, выдвинутые в Лондоне, заменяют собой «важный шаг вперед». А «Ньюсик» подчеркивает, что западные представители в Подкомитете считают, что «русские искренне стремятся к определенному разоружению». Редактор газеты «Крисчен сайенс мониторинг» Кэхэм также отмечает, что советская делегация «приближается к западной позиции больше, чем когда-либо прежде. Этот факт — признак их силы».

Однако в ряде органов печати звучат странные нотки: да, новые советские предложения идут нам навстречу, но именно поэтому положение наших дипломатов... особенно осложняется.

Не странно ли, что как только какое-либо предложение Запада принимается Советским Союзом, оно неожиданно объявляется неприемлемым для самого Запада?

Новый советский план сокращения вооружений и вооруженных сил, исходящий из принципа «контролируемого разоружения», открывает путь к укреплению взаимного доверия между государствами, облегчению бремени военных бюджетов, упрочению международного сотрудничества. Советское правительство исходит из того, что достижение соглашения по вопросу сокращения обычных вооружений создаст такую международную атмосферу, при которой станет реальным успешное решение и главного вопроса, волнующего человечество, — запрещения ядерного оружия.

Народы всего мира знают, что существует полная возможность для разрешения важнейшей проблемы — проблемы разоружения. И если это будет достигнуто, то засады в Ланкастер-хаузе войдут в историю как начало нового этапа в международных отношениях — этапа, знаменующего установление длительного мира, прочного согласия, надежной дружбы.

А. ПОЛТОРАК, кандидат юридических наук

Японские женщины ведут упорную борьбу за мир, они протестуют против размещения на территории их страны американских военных баз. Молодая женщина, изображенная на этом снимке, — участница одного из проходивших в Японии собраний за запрещение атомного оружия.

Снимок из французского журнала «Фам Франсез»

Двадцать дней в Лондоне

В Москву из поездки в Лондон, Брюссель, Амстердам, Гаагу и Париж вернулся народный артист СССР Давид Ойстрах. Шестнадцать его концертов прошли в этих городах с неизменным успехом.

Большую часть времени в этом очередном зарубежном турне — двадцать дней — Д. Ойстрах провел в Лондоне.

Мы печатаем рассказ Д. Ойстраха о его пребывании в столице Англии.

Мне довелось побывать в Англии в конце 1954 года. Тогда я выступал в нескольких городах страны. На этот раз цель поездки состояла в том, чтобы дать серию концертов в Лондоне и здесь же сделать ряд записей на грампластинки для фирмы «Колумбия». Должен сказать, что работать пришлось очень и очень напряженно. Репетиции, концерты, звукозапись, перемена мест и другое, заняли львиную долю почти трехнедельного пребывания в Лондоне. Времени, что называется, для души оставалось очень мало. Тем не менее нельзя было не заметить тех радостных перемен к лучшему, которые произошли в культурных связях наших стран за последние время.

Прежде всего о самих концертах. Они уже не выглядели, как в первой поездке, явлением случайным, эпизодическим и даже «сенсационным» в том смысле, что представлялась возможность поглядеть на людей, приехавших из-за прослушивания «железного занавеса». Концерты были заранее запланированы и в музыкальной сфере, и в сфере искусства. Нам в Москву собирались и вскоре прибудет группа английских музыкантов. Возглавляет эту группу один из крупнейших композиторов Англии сэр Артур Bliss. Два концерта из трех состоявшихся в Фестиваль-холле я играл с лондонским оркестром «Филармония».

В одном из этих концертов исполнялся новый концерт Шостаковича. Это было первое его исполнение не только в Лондоне, но и в Западной Европе вообще. Концерт был принят очень и очень тепло. Многочисленные отзывы прессы высоко оценили это произведение выдающегося советского композитора.

Мой шестой, заключительный концерт в Лондоне проходил в Альберт-холле — зале, в котором помещались около девяти тысяч человек. Я играл с лондонским филармоническим оркестром. Дирижировал один из крупнейших музыкантов Англии сэр Андриан Боулт. Устроители этого концерта в программе, отмечая такой нарядный и праздничный, помещали такие хорошие слова:

«Интернациональный язык искусства вообще и музыки в частности является провозником для наилучшего понимания между всеми народами».

Особенно трогательными были минуты прощания с лондонской публикой. По окончании концерта его устроители в лице известного лондонского импрессиониста Виктора Хохгаузера преподнесли мне замечательный подарок. Это был отпечатанный в Лондоне портрет Давида Ойстраха, подписанный П. И. Чайковским, адресованный в Лондон Адольфу Бродскому. Адресат — выдающийся в то время скрипач, первый исполнитель концерта Чайковского.

Письмо датировано 3 июня 1882 года и связано с первым исполнением концерта П. И. Чайковского в Лондоне. Оно негде до сих пор не было опубликовано, кроме программы концерта, о которой я говорил. По своему содержанию письмо представляет большой интерес потому, что в нем великий композитор высказывает взгляды на музыкальную критику его времени. Вот выдержки из этого письма, касающиеся именно этого вопроса:

«Добрейший Адольф Давыдович! Рецензия не получил, да вы об этом не беспокойтесь. Во 1-х я английского языка не знаю, а во 2-х никогда особенно не интересовался рецензентскими отзывами. Рецензии редко говорят что-нибудь достойное быть принятым и сведению, они неосновательно ругают, но основательно и хвалят, или же отщипывают общими фразами, лишеными всякого серьезного значения. Конечно неприятно читать на себя печатную брань — но столь же неприятно читать и глупые похвалы».

Эти слова были написаны гениальным композитором почти три четверти века тому назад. Но так и кажется, что они были сказаны в адрес некоторых современных музыкальных критиков. (Я имею в виду и наших и зарубежных). Целиком это письмо П. И. Чайковского будет опубликовано в журнале «Советская музика».

В заключение дружеского расставания в Альберт-холле я горячо поблагодарил устроителей этого многолюдного концерта, артистов оркестра, дирижера и особенно публику, ту самую лондонскую публику, у которой я в этот вечер так зримо почувствовал огромное желание постоянно знакомиться с достижениями нашей советской культуры.

Климент Зинин
Дорогой Давидович!
Оценки не слушаю, да
Ты от себя не берешь
— несл. В. П. с артист.
Спасибо тебе за все, а
в 2-й части тебе спасибо
не снимаю, все равно
спасибо тебе за все.
Начало письма П. И. Чайковского.

ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ...

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЗИМЕКА ГОРТАТА

Трибуна Лоду

«Трибуна Лоду» — Польша

Сложным был путь крестьянина Казимека Гортата, много вопросов поставила перед ним жизнь, много тревожных сомнений пришлось преодолеть. О его судьбе рассказывает в очерке «Возвращение» польский журналист Юзеф Мортон.

Казимек Гортата — крестьянин из деревни Белин. Он стал членом производственного кооператива с первых дней его организации. Хотя дела в кооперативе шли сначала не совсем гладко и трудностей был еще немалый, Гортата верил в будущее. Так бы и жил он, если бы не настало.

Тест Гортата жил в соседней деревне. Богатство кулаков Гвоздочина и Хытешко не давало ему покоя. Однажды, придя к Гортата, он «как бы случайно» зашел в овин, посмотрел на коров, свиней и вздохнул: у него lacked лоткаста не было. Нужды он не знал, но и хорошего мало. Хоть бы помог ему кто-нибудь. Вообще, лишней работкой не помешает».

Изо дня в день являлся тест к Гортата, изо дня в день твердил одно и то же: «Не нравится мне, что ты батрак, а хочешь быть работником. Ты не паш сам себе, а тобой командуют. Подо-

утра до ночи, он и не заметил, как превратился в батрака. Чем богаче становился тест, тем беднее делался Гортата. А когда он задал речь о том, чтобы записать на него половину хозяйства, тест ответил: «Разве не все равно, на чьем работаешь? Когда нечего будет уже больше продавать, Гортата мастерил железную тележку, выпросил лошадь и начал развозить в поисках заработка. А жена его ходила поленившей к Гвоздочину, владельцу большого огорода и сада. Нередко Гортата вспоминал о кооперативе, который, вопреки всем слухам и козням, крепко хватил землю. Он и не заметил, как постепенно стал смотреть на окружающий его мир чужими глазами.

И вот Гортата уехал к тесту. С того дня кулак Хытешкий, встречая кого-нибудь из белинского кооператива, спрашивал со злобной усмешкой: «Что, капут вашему кооперативу? Все разбегаете, как пауки. А ты когда?»

В доме теста все оказалось не так, как думал Гортата. Таяло его жалкое хозяйство. Продал коров, свиней — в долгий лишний труд, чтобы заделать прорехи в хозяйстве теста. Работая с

ГОВОРИТ ШАНХАЙСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ ЖУН И-ЖЕНЬ

Жун И-жень

«Женьминьбао» — Китай

Жун И-жень — бывший владелец, ныне управляющий шанхайской государственной текстильной фабрики «Шенсин». Газета «Женьминьбао» опубликовала недавнюю беседу с Жун И-женем. На вопрос корреспондента: «Почему вы избрали путь социализма?» — он ответил:

«Да, я капиталист, но прежде всего китаец, и хочу говорить об этом, как китаец. Я и моя семья радуемся социализму. Это искренние слова или ложь? Многие друзья из капиталистических стран, посетившие Шанхай, особенно удивлялись именно этому. Они искали меня и спрашивали, некоторые требовали, чтобы я вопреки всему говорил «правду»; один англичанин, член парламента, даже попросил, чтобы я говорил только по-английски. Некоторые приседали, чтобы посмотреть, если бы еще у меня дома, а кое-кто сомневался — не скрывается ли коммунист под личиной капиталиста? Я всем честно объяснял, что

до освобождения не только не сталкивался с коммунистами, но даже боялся их. Гость из Гуанси, посетивший мой дом и предпринявший у меня беседу, сказал: «Теперь все сомнения, с которыми я пришел в Китай, разрешены». Жун И-жень вспомнил о том, как в ночь перед изгнанием гоминдановцев вся семья была в панике от того, что пришли коммунисты. Один из его братьев уехал в Гонконг, другой убежал в Тайвань, третий остался в Шанхае. Однако отец, ненавидевший империализм и гоминдановцев, захотел покинуть родину. И-жень тоже остался. Их предпринятия находились в таком положении, и поддержать свое производство они смогли только за счет субсидий народного правительства...

«Ныне я пользуюсь доверием правительства и уважением народа, — говорит

Жун И-жень, — приобрел почет и положение. И если рассматривать вопрос с точки зрения материальной жизни, то фактически я ничего не потерял, живу все-таки очень хорошо. Мое предприятие стало смешанным государственно-частным, мне будет выплачиваться определенный процент прибыли. Таким образом, ежегодная прибыль гарантирована. На шанхайском городском собрании народных представителей я заявил о своем решении возложить получаемую мною прибыль в предприятие и купить облигации государственного займа, чтобы таким образом оказать помощь в строительстве государства. На каком бы я ни был посту, хочу быть полезным государству».

И, показывая на своих детях, Жун И-жень, смеясь, заключил: «Одни из них хотят стать музыкантом, другой — инженером, и никто не хочет быть капиталистом. Их будущее мне не придется покупать за свои деньги».

Об изображении народной жизни

(Окончание. Начало на 2—3-й стр.)

3. Все это так. Но — за деревьями всегда следует видеть лес. А мы, из года в год раскладывая «текущую» литературу по узким тематическим полочкам, старательно отщипывая на костюшках, сколько появилось «производственных» романов, сколько «колхозных», сколько «семейных», как-то протаяли, упустили из виду, что очень мало, значительно меньше, чем следовало бы, появляется у нас романов «народных» — если употребить этот термин в несколько условном смысле, по аналогии с вышеприведенными. «Народных» — то есть таких, в которых главным предметом изображения, наиболее художественного внимания были бы не просто какие-то производственные проблемы и конфликты, но и народные — в широком смысле — типы, характеры, великое коммунистическое обновление народной жизни и народной души. «Народных» — то есть таких, какими были и «Цемент», и «Поднятая целина», и «Люди из захолустья» (если брать только тему труда) и какими, к сожалению, не были, скажем, «Белое пламя», В. Сокоя, «Бережаны» С. Митурсы, «Станханович» П. Шебунина — не были потому, что в них не заметно даже самой постановки этой проблемы, что их художественные обобщения просто-напросто шли мимо темы народа.

Слишком узкий, «профессиональный» подход к человеку только как специалисту своего дела, свойственный некоторым «производственным» романам, часто приводил к тому, что поэтическая и философская тема народа почти полностью «улетучивалась» из них. Писателю было «некогда» (если того прямо не требовал производственный конфликт) интересоваться предисторией героев, их «корнями» в народной жизни, их отцами и дедами, «некогда» было заниматься сопоставлением поколений: их обычаев, песен, морали,

языка, экскурсами в местные, областные или крайние особенности, размышлениями о национальном своеобразии отношений и характеров.

Но если писатель обо всем этом мыслит бегом и слабо, то так же слабо проявлялось в его романе и то, что Л. Толстой называл «мыслью народной», а мы называем поэтической-философской темой народа. Могут сказать, что все перечисленные элементы — предистория героев, обычай, мораль, язык поколений и т. д. — обязательны только для романа-эпопеи. Да, верно. Но так же несомненно и то, что если писатель не знает всего этого и не думает об этом в процессе творчества, то тема народа не будет правильно выражена и в маленькой повести и в рассказе.

Пребрегать этой темой, недооценивать ее значение нельзя, сколь бы важным сами по себе ни были явления, изображаемые художником. Вот один из многих возможных примеров.

Молодой писатель написал неплохой в целом роман о строительстве газопровода Дашава—Киев. Главная сюжетная ось — конфликт между рабочим-новатором и инженером-консерватором. Многие страницы романа свежи и интересны, о ряде строительно-технических проблем (в частности, о проблеме сварки) автор рассказывает остроумно и со знанием дела. Но... увлеченный этим, писатель как бы забыл, что трубы газопровода, будучи сваренными «на конус» и уложенными в землю бывшей Западной Украины, многое изменяют в экономике края. В быте и психологии местного населения. В результате вся эта интереснейшая и благороднейшая для художника область оказалась почти полностью обойденной в романе. Но пострадал от этого не только данный тема — она потенциально содержится в жизненном материале романа, — пострадал все его образы, потому что коллектив строителей оказался выключенным из широкой народной среды, как будто бы он работал и жил в некоем безвоздушном пространстве. И, как одно из следствий того, что автор не ставил перед собой темы народа в качестве ведущего идейно-художественного зада-

ния, образы рядовых рабочих и инженеров получились тусклыми, разработанными очень поверхностно.

А теперь попробуем представить то, к чему — да не будет сочтено это праздной фантазией! — что роман на подобную тему и на подобном материале написали Глеб Успенский или Иван Франко, Мамин-Сибиряк или Марко Черемшина... Многим из нас, очевидно, представится прежде всего привольная живопись, выхватывающая из народной гущи разнообразнейшие социальные-психологические и речевые типы, — мы помним, как неисчерпаемо щедры были на них наши классики, — и возникающая из всего этого, подобно широкой песенной мелодии, глубокая дума о народе.

Мы, критики, с недостаточной настойчивостью выдвигаем перед художниками слова задачу создания крупных и ярких народных характеров.

Тусклость характеров, заметная в значительной части произведений на современную тему, объясняется, безусловно, целым рядом причин — слабостью мастерства, бедностью живых наблюдений, теми или иными недостатками общего замысла. Но в этот ряд причин следует поставить еще одну: невыразительность, неразработанность этих характеров как народных характеров, недостаточность или слабость соотнесения их с современным и прошлым духовным обликом народа и составляющих его классов или социальных групп (в наших условиях это: рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция).

третьестепенным, почти эпизодическим образом Федосия Мургина в новой повести В. Тендрякова «Саша отправляется в путь», на мой взгляд, просматриваются такие большие и глубокие процессы, производящие в сознании «трудового крестьянства за последние четверть века, что за один этот образ с легким сердцем отшатнись отменные романы.

Если обратиться к украинской литературе, то легко увидеть, что долгая жизнь лучших произведений А. Корнейчука, Ю. Яновского, А. Головка, О. Гончара (мы ограничиваемся лишь несколькими, ибо пример, а не перечисление) во многом обусловлена тем, что эти писатели сумели раскрыть в своих героях существенные приметы народного характера, каким он есть в наши дни, сумели изобразить людей своего времени в сложном единстве их индивидуально-психологических, социальных и национальных черт. И наоборот, оговорительные слабости, присущие значительной части произведений украинской прозы и драматургии, проявлялись и в том, что в смысле создания общего художественного образа народа, в смысле более или менее масштабного воспроизведения крупных народных характеров они совсем немного дают читателю.

В свое время К. Маркс, характеризуя шекспировскую драму, упомянул о народном фоне, составлявшем одну из ее идейно-художественных особенностей. К сожалению, мы почти ничего не сделали для развития и практического использования в нашем искусстве этой тонкой и плодотворнейшей мысли. Конечно, народная масса в социальном эпосе — не только «фон», но и главное действующее лицо. Это не мешает ей широко развиваться на все просторы картины, окружая выдвинутых ею же главных, центральных героев многолюдной и многоцветной толпой, шумной смесью «одежд и лиц».

В наше время, на нашей памяти творились огромные многолюдные полотна. М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, создавшие почти физически осязательный образ великого народного моря. Каждый персонаж на этих полотнах живет своей «непосредственной» и относительно самостоятельной жизнью, выступая одновременно и параллельно с главными героями. Есть

и другие способы создания в романе глубокого народного фона, способы, когда море, а когда более удачные и исчерпывающие. В романе «Юрко Крука» украинского писателя П. Козлянюка мы читаем бесчисленные вставные эпизоды, колоритные деревенские «бывальщины» и целые человеческие судьбы, сконденсированные в кратчайший «рассказ к случаю». Все это в романе органично, потому что отвечает его основной идее. В итоге роман о детских и юношеских годах западноукраинского подпольника-коммуниста обретает весьма основательную широту захвата. Кажется, не только дела и дни неутомимого Юрко его родными и близкими, друзьями и недругами, но и судьбы целого галицийского села за каких-нибудь полтора-два десятилетия прошли перед нами. И что, между прочим, особенно интересно: именно народный фон, выплывший удивительно ярко и щедро, помогает создать в романе ту атмосферу и жизнеобилья и оптимизма, в которых с детства складывается духовный облик Юрко Крука.

Проблема цельного и широкого изображения современной народной жизни, проблема создания крупных и полнокровных народных характеров — это не только и не столько теоретические, сколько практические проблемы, стоящие перед нашими писателями. Ведь легко сказать — народный характер, а как досконально нужно знать труд и быт, психологию и язык людей, как тесно сжиться с ними нужно в большом и в малом, в горе и в радости, чтобы создать образ, о котором можно было бы сказать: да, в нем есть элементы народного характера, есть грани, которые вызывают в нашем представлении образ большой человеческой массы, образ народа! Но и это не все: нужно четко и ясно знать, в каком направлении развивается психология, мораль народа, общества, что отмирает в ней, а что неустремимо растет и крепнет, — и звать это не абстрактно, а в виде заученных из книжки понятий

и формул, а в виде живых, типических лиц. «Чувство народа» — это прежде всего чувство современности.

Все это снова и снова приводит нас к выводу о том, что для выполнения задач, вставших ныне перед литературой, необходимо прежде всего главное, что дает писателю и мысль, и страсть, и живой материал, и оригинальные образные концепции, — необходимо знание народной жизни, возведенное на какой-то новый, очень высокий уровень, такое знание, какое дается лишь постоянным и активным участием в великих созидательных трудах партии и народа. Помимо этого, безусловно, требуется и совершеннейшее художественное мастерство, и серьезнейшее углубление наших эстетических воззрений и представлений, и многое другое. Но главное все же в том, чтобы стать ближе к народной жизни. И «Цемент», и «Сот», и «Поднятая целина», и «Время, вперед!», и «Люди из захолустья», и «Платон Кречет», и многие другие, не говоря уже о произведениях, посвященных гражданской и Отечественной войне, были написаны в результате непосредственного пребывания писателей в живой борьбе, живой творческой практике рабочих, крестьян, интеллигенции. Так что же, — разве это не по силам нашему литературному поколению, сейчас, во второй половине 50-х годов!

Может быть, не все в этих заметках сказано с достаточной ясностью, может быть, автор, помимо своего желания, не избежал некоторой односторонности в освещении той или иной проблемы, — что же, это в конце концов поправимо. Но, как бы там ни было, нужно очень серьезно и со всех сторон обдумать вопрос о том, как литературное изображение нашего современника — простого советского человека, вступившего ныне в шестую пятилетку, — сделать достойным его славных исторических предков, его столь же простых, сколь и высоких помыслов и чувств.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Г. ГУЛИЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).